

ИЗГНАНИКИ.

~~~~~  
П О В Ъ С Т Ъ .  
~~~~~

Соч. И. Калашникова.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ МЕДИЦИНСКАГО ДЕПАРТАМЕНТА МИНИ-
СТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

1854 ГОДА.

Р. В. 23. а 25293

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи пред-
спавлены были въ Цензурный Коми-
тетъ при экземпляра. С. П. Б. 22
Ноября 1855 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА
А. О. ФАРИКОВА.

57425324

И сію повѣспь мою, какъ и
два прежніе мои Романа, издаю
я съ цѣлію: знакомишь моихъ
читашелей съ Сибирью.

Но говоряшь: „нельзя писашь
съ шѣмъ Романы, чшобы имѣншь
цѣлію: описывашь въ нихъ спра-
ну.“

Нельзя писашь, правда; но из-
давашь можно съ этою цѣлію,

Сибирь моя родина, гдѣ я про-
велъ лучшіе, или, по крайней мѣ-
рѣ, первые годы моей жизни;
шуда любилъ оплешашь моя ме-
чпа въ часы раздумья: ибо шамъ
живелъ воспоминаніе о времени,
кошорое—каково бы оно ни было
въ сущности—всегда драгоцѣнно
человѣку, по природѣ своей лю-

бращему жишь въ минувшемъ,
 удаляясь въ безпечные годы мо-
 лодоспи ошъ забошъ и опыша
 лѣшъ возмужалыхъ. Блуждая по
 роднымъ, оставленнымъ мѣс-
 шамъ, задумчивая фанпазія не-
 вольно воскрешаетъ въ нихъ ми-
 нувшія событія и будитъ людей,
 давно сошедшихъ со сцены сей
 жизни. . . .

Когда усталый день послѣдній лучъ по-
 гасишь;

Заблещушь звѣзды въ вышинѣ,

И грусныя мечты сползая надо мною;

Тогда, бесѣдуя съ печальною луною

О благахъ прежнихъ дней,

Смотрю я на сіи граничныя громады,

Дворцы, чертоги, верхограды. . . .

Но нѣтъ! не говорашъ они съ душой моею;

Не лющъ на сердце-мнѣ отрады,

И чужды для меня; я чуждъ для нихъ! . . .

Душа моя лепишь въ предѣлы мѣстъ
родныхъ,

Гдѣ все — и въшровъ завыванье,

И шумъ лѣсовъ, и горлицы взыванье,

И цвѣтъ знакомый облаковъ,

И шумно средь пустынь кашащіяся воды,

И горы дремяущи подъ тяжестью вѣ-
ковъ, —

Все возвращаетъ ей давно минувши годы;

Все дышешь жизнью; вездѣ языкъ безъ
словъ!

Вездѣ минувшаго я слышу призыванья!...

Спихи сіи напечатаны мною за-
долго до изданія моихъ Романовъ.

Такимъ образомъ носясь мечшею
въ предѣлахъ Сибири, я долженъ
былъ, по необходимости, писашь
ландшафты тамошней природы
и изображать тамошніе нравы и
обычай: опсюда и родилось мое
намѣреніе: Романы мои предашь

печати, дабы познакомишь съ Сибирью моихъ соотечественниковъ, или, по крайней мѣрѣ, шѣхъ изъ нихъ, копорые не имѣють ни охоты, ни времени заниматья сочиненіями другаго рода.

Мнѣ возражають: „за чѣмъ же не изложу я свѣдѣній моихъ о Сибири въ одной книгѣ?“— Пошому, что въ мечтаніяхъ моихъ я нахожу наслажденіе, и пишу по невольному влеченію сердца, предославляя людямъ, болѣе свѣдущимъ, издавать сочиненія ученія.

Но „въ вашихъ Романахъ нѣтъ поэзіи.“ Я ничего не могу говорить въ оправданіе моего воображенія и чувствованія, если ихъ

созданія не суть поэпическія. Впрочемъ, если не нравишься вамъ моя книга, бросьте ее въ огонь — и дѣло кончено!

Наконецъ, недавно прочиталъ я еще слѣдующее: „Романы: *Догодъ Купца Жолобова и Камгадалжа*, богаты каршинными изображеніями Сибири, доказываютъ, сколь бессильно и самое дарованіе, убитое подражаніемъ.“

Правда, я не выдумывалъ новой формы сочиненій, и не стыдился писать по образцу бессмертнаго Шопландца; но происшествія, лица, мысли, чувствованія, картины, суть моя собственность, и, по весьма уважительнымъ причинамъ, мое владѣніе ею неприкосновенно. Я пер-

вый написалъ Сибирскій Романъ: кому я могъ подражать, кромѣ формы?

Самымъ сильнымъ опроверженіемъ означенныхъ замѣчаній служашъ похвалы и ободренія опъ людей, которые не имѣли ни малѣйшей причины мнѣ льститься, и которыхъ доброе слово не можешъ быть ни для кого не важно. Напримѣръ: всякой разъ я почпи съ благоговѣніемъ внимаю, когда Папріархъ нашей словесности, мужъ и по уму, и по характеру, и по самой наружности, подобный мудрецамъ древности (я не смѣю именовать его) съ величайшею доброю и мудростію, или спарается ободрительною хвалою поощришь къ

новому шруду, или умными наспавленіями желаешъ направивъ перо мое къ благой цѣли. Крашкія минушы, проведенныя съ нимъ, будушъ всегда для меня драгоцѣнны. Мнѣ сообщенъ однимъ изъ первыхъ нашихъ липераторовъ опзывъ, сдѣланный симъ почтеннымъ мужемъ о первомъ моемъ Романѣ: *Догъ Куца Жолобова*, о которомъ онъ сказалъ, что ни одного Русскаго Романа не читалъ онъ съ бѣлыми удовольствіемъ.

Настоящая повѣсть моя, которую я располагался прежде напечатать въ журналѣ Г. Смирдина, также заслужила лестный опзывъ отъ многихъ липераторовъ, и въ шомъ числѣ отъ

бывшаго редактора *Библиотеки для Чтенія*, Г. Сенковскаго, шоль извѣснаго своимъ умомъ и просвѣщеніемъ, кошорый писалъ ко мнѣ, что повѣсть сія ему „очень „нравилса, и что она будетъ не- „премѣнно напечатана въ означен- „номъ журналѣ.“ Сколь ни ле- спно унаспвовашъ въ прекрас- номъ предпріятіи Г. Смирдина; но весьма уважипельныя обстоя- тельства не дозволили мнѣ ис- полнить перваго моего намѣренія.

Въ числѣ лицъ, дѣйспвующихъ въ сей повѣсти, Купецъ Шалау- ровъ, какъ извѣсно безъ сомнѣ- нія каждому просвѣщенному чи- тателю, еспъ лице *историческое*. Въ 1762 году Шалауровъ от- правился изъ усшья р. *Колмы*

для опысканія души въ Воспочный океанъ. Конецъ его плаванія вполнѣ не извѣстенъ. Я старался поднять завѣсу съ жребія, его постигшаго, и разгадашь думы сего необыкновеннаго челоуѣка. . . . Но дозволено ли добавлять мечшою Испорію?

Въ нашъ вѣкъ, когда прежнія теоріи вышли въ опсставку, а новыя еще не ушвердились на ваканціяхъ; когда каждый изъ пишущихъ хочетъ быть оригинальнымъ по самой формѣ сочиненія, и оуждаешъ формы, придуманныя самими знаменитыми авшорами,—въ нашъ вѣкъ нельзя безъ спрахъ слѣдовашь ни за кѣмъ, не изключая ни самаго Вальшеръ-Скопша . . . котораго

вся вселенная, въ самомъ прямомъ значеніи сего слова, вся вселенная чинила и перечисывала съ хвалою и рукоплесканіемъ. Говорятъ: онъ изобрѣлъ родъ сочиненій неестественный, чудовищный, и что соединеніе Исторіи съ вымысломъ не возможно. Правда ли это?

Исторія говоритъ холодно, сухо и мертво; заслоняетъ лица и событія своею пѣнію; рассказываетъ о минувшемъ, а не возобновляетъ его; повѣспивуетъ о лицахъ, уже исчезнувшихъ, а не воскрешаетъ ихъ, не проливаетъ жизни въ ихъ испавшія кости, и не выводитъ на сцену предъ наши глаза. Поэтому-то, прочитавъ Исторію, я еще, непол-

нѣ удовольствованъ: ибо во мнѣ рождается желаніе, котораго она выполнить не можетъ,—желаніе самому бытъ зрителемъ рассказанныхъ ею происшествій; самому видѣть шѣхъ, которые мнѣ сдѣлались извѣсны только по слуху; шѣхъ ужасныхъ или великихъ людей, шѣхъ благодѣтелей или изверговъ рода человеческого, о которыхъ она мнѣ столько наговорила хорошаго и худого, — видѣть ихъ съ тайными ихъ думами, съ сокровенными порывами души, съ неразгаданными муками и наслажденіями, съ ушаенными злодѣйствами и добродѣтелями. . . Испорія возбудивъ во мнѣ эту мучительную жажду любопытства, не

можешь, какъ я сказалъ уже; удовлетворишь моею спраси — и на помощь душѣ приходишь божественная, всемогущая Поэзія! Она одна только способна произвешть чудо: заспавишь время переменишь свой обычный пушь; вызвашь изъ вѣчности вѣки, и пролишь огонь жизни въ сердца, давно переспавшія бишься. . . Сіе-по высокое и очаровательное наслажденіе доспавляетъ намъ Драма, Повѣсть, Романъ. Уничпожая Историческіе Романы, должно уничпожить и Историческую Драмунбо это одно и тоже.

И. К.

ИЗГНАНИКИ.

I.

Спросите всякаго—и всякой скажетъ, что Сибирская природа пустынна, дика, угрюма. Такъ, это правда; но за то рѣдко гдѣ душа можетъ оцунить поль высокія идеи, какъ памъ. Встаньте на дикихъ вы-

сопахъ Урала, за 60 градусовъ къ Сѣверу, и бросише взглядъ до безлюдныхъ береговъ Воспочнаго океана — чпо увидише? Безпредѣльную спрану, уже опжившую свой вѣкъ; памятники древняго и великаго крушенія планеты; слѣды всемогущихъ вѣковъ, пролетѣвшихъ надъ дряхлою землею! Тамъ погасшіе волканы, скалы опрокинушыя, каменное нѣдро горъ, рѣками пробитое, ужасные осповы паниспвенныхъ жильцовъ первозданнаго міра, повсюду раскиданные, — и на гробахъ погибшихъ поколѣній шѣмнѣютъ дебри, и споятъ, какъ могильные памятники, безмолвныя скалы. Жизнь шолько украдкою бросаетъ памъ свои зародыши, и смерть власпвуепъ неопразимо, одѣянная мракомъ и хладомъ. Самый духъ, человѣческій, сжа-

пый враждебными спихіями, окрѣпъ и оспановилея памъ на первой спупени быпія, и не смѣетъ спупинь далѣ. Чпо шакое шамошній человекъ? Въ чемъ проявляется его безмерпный разумъ? Чѣмъ опличаея онъ опъ плошодныхъ звѣрей, около него рыщущихъ?

Но что же? и посреди эпихъ поллучеловѣковъ, и посреди эпихъ мерпвыхъ пустынь вепрѣчаюпя души, правда, занесенныя шуда бурей бѣдспвій, но души свѣпмья, по крайней мѣрѣ, въ спокойспвіи проходящія пупь жизни, если не въ счаспїи.

Такъ, нѣкогда, на пустынномъ берегу Ледовишого океана, къ Воспоку опъ успья Колымы, жили два

скипальца, друзья съ младенчества, вмѣстѣ наслаждавшеіся счастливыми днями и вмѣстѣ постигнутые несчастіемъ. Бывали злополучныя времена и въ нашемъ Опечесивѣ, когда злые блаженствововали, а добродѣтельные гибли. Слава Богу, сіи спрашныя времена давно забыты; самыя разказы о нихъ почипаюцца почти баснею: ибо два поколѣнія наспоющаго вѣка, старое и новое, родились и возмужали подѣ правленіемъ мудрымъ и крошкимъ. Намъ не вѣрится уже, чтобы можно было изгоняць людей по однимъ навѣстамъ безъ доказательствъ, по однимъ опасеніямъ сильнаго. Сколько мы счастливы, и дай Богъ, чтобы мы только могли цѣнить свое положеніе! Но предки наши, дабы доставить намъ сіе счастливое со-

спояніе, должны были перенести мно-
гое, многое! И пошому-то не удиви-
тельно, что преданіе называется *не-
счастныхъ* [*], о которыхъ мы упо-
мянули выше, спрадальцами невин-
ными.

Самые бѣдные домики, по—Сибир-
ски: *зимовья*, принадлежавшіе симъ
несчастливымъ, стояли въ спрашной
опдаленности отъ жилищъ человѣ-
ческихъ: ибо ближайшее селеніе, Ни-
жне - Колымской оспрогъ, было отъ
нихъ въ распояніи болѣе двухъ сотъ
верспъ. Да и что значить самый
оспрогъ? Бѣднѣйшая деревушка, изъ
пяпи или шеспи домовъ соспо-
ящая, и находящаяся отъ другой по-

(*) Такъ вообще именуютъ ссыльныхъ въ
Сибири.

добной деревушки верстъ на пять
сотъ, тысячу и болѣе. Между семи
деревушками нѣтъ никакихъ человѣ-
ческихъ жилищъ, кромѣ скипающих-
ся племень дикарей; нѣтъ опредѣлен-
ныхъ дорогъ, и только звѣриная о-
щупь Тунгуса или Якута пролага-
етъ къ нимъ путь среди дремучихъ
лѣсовъ, безчисленныхъ горъ и непро-
ходимыхъ болотъ. Такова картина
Сѣвернаго края Сибири!

Зимовья изгнанниковъ были пос-
троены при подошвѣ Баранова камня,
въ самомъ близкомъ разстояніи одно
отъ другаго, не были ни чѣмъ огороже-
ны и не имѣли никакихъ заповорь: ибо,
кромѣ бурь и блуждавшихъ изрѣдка ме-
двѣдей, бояшся было некого. Нога че-
ловѣческая почти не посѣщала сіе уе-

диненное мѣсто, исключая не многихъ опважныхъ мореплавателей, тщетно пыпавшихся пробиться между льдовъ до равнинъ Воспючнаго океана. Внутреннее устройство зимовой соопвѣспвовало ихъ бѣдоспни. Они были раздѣлены перегородками на присамыя маленькія комнапки, сообразно числу помѣщавшихся въ нихъ жильцовъ: ибо изгнанники оба были женаты, и оба имѣли дѣтей. Жены ихъ сами рѣшились великодушно раздѣлять съ ними жребій есылки; дѣти родились въ изгнаніи. Одинъ изъ несчастныхъ, копораго наспоющее имя было скрыпо подь иноскапельнымъ наименованіемъ: *Судьба*, имѣлъ сына, Андрея, юношу лѣтъ двадцати, и дочь, Елизавету, лѣтъ осемнадцати; другой, слывшій подь

прозваніемъ: *Неволя*, имѣлъ одну дочь, Ольгу, почти ровесницу Елизаветѣ.

Всѣ домашнія нужды [а онѣ были шакъ ограничены!] исполнялись Ольгою и Елизаветою, подѣ руководствомъ маперей. Маленькое скудное хозяйство ихъ, по крайней мѣрѣ, отличалось чистотою и опрятностію. Была во всемъ видна бѣдность, правда; но не было нищеты. Первая комната была вмѣстѣ и кухнею и спальною. Въ ней былъ въ переднемъ углу, подлѣ окна, поставленъ самый простой столъ, но весьма чистый, обставленный лавками. На стѣнѣ, прошивъ него, была усроена полка, на которой красовались оловяныя, досвѣпла вычищенные шарелки и миска, нѣсколько фаянсовыхъ чайныхъ

чашекъ и чайникъ, наконецъ, ножи, вилки и ложки, запикнушыя за прибитой къ полкѣ брусохъ. Другая полка, находившаяся недалеко отъ первой, была убрана горшками и сковородками, спольже чистыми, какъ и споловая посуда. Равнымъ образомъ и самая комнаша опличчалась необыкновенною опрятностію. Не будемъ описывать прочихъ каморокъ: судя по чистотѣ кухни, можно сдѣлать и о нихъ вѣрное заключеніе; такъ же не будемъ описывать каждаго зимовья порознь: ибо что было въ одномъ, почти то же самое было и въ другомъ; по потребности и средства обитателей были одинаковы: все ограничивалось удовлетвореніемъ самыхъ необходимыхъ условій сущестіованія.

Все домашнее дѣло и самая чистота комнатъ лежала на обязанности Ольги и Елизаветы; но впрочемъ, для успокоенія добраго и особенно молодого чинашеля, мы спѣшимъ сказать, что прекрасныя ручки Ольги и Елизаветы не могли слишкомъ огрубѣть отъ прудныхъ работъ: ибо во многихъ случаяхъ замѣняли ихъ мащери сами и еще чаще призывали на помощь женщинъ изъ Юкагирскихъ семействъ, кочевавшихъ близъ зимовей.

Между тѣмъ, какъ мащери приучали дѣвушекъ къ доброму хозяйству, опцы, оба хорошо просвѣщенные, старались образовать ихъ умъ и сердце, на что были обыкновенно посвящаемы длинныя зимне вечера.

Книгъ рѣшительно почти не было, исключая двухъ: книги *Откровенія*, долженствующей бы замѣнить всѣ щепетельныя системы разума, и великой книги *Природы*, впрочемъ *Откровенія* для испытующаго взора. Недосказанное въ первой досказывается въ послѣдней, и обѣ составляютъ великое цѣлое, ошупывательное для ума и сладостное для сердца. Ольга и Елизавета знали великія истины Христіанства; умѣли объяснить многія явленія физическія; не думали, что родъ человѣчскій ограничивается одними ихъ семействами; имѣли понятіе о его началѣ и послѣдующемъ бытіи, и главное: твердо помнили не однимъ умомъ, но и сердцемъ, свои обязанности къ Богу и къ людямъ. Чего же надобно еще болѣе?

Наружностью и душою обѣ подруги были прекрасны, хотя совершенно различны между собою. Ольга бѣлая, какъ снѣгъ, и румяная, какъ роза, имѣла огненные каріе глаза и русые волосы; Елизавета была смугла лицомъ, но имѣла благородныя правильныя черты и глаза небесно-голубые. Въ Физіономіи Ольги выразились добрая, прекрасная душа, опрятная, непорочная, нравъ живой и веселой; на лицѣ Елизаветы была написана тихая кротость и помная задумчивость, признакъ души мечтательной, возвышенной, могущей жить внѣ дѣйствительнаго міра. Красота ея была красота неземная. Но не смотря на разность характеровъ, Ольга и Елизавета жили душа въ душу, и какъ же

бы могло быть иначе, когда ихъ на свѣтѣ и было только двѣ?

Братъ Елизаветы, Андрей, спашный, рослый юноша, съ блестящими черными глазами, съ румянымъ полнымъ лицомъ, съ опкрыпою мужественною физиономіею, былъ схожъ характеромъ болѣе съ Ольгою, нежели съ сестрою. Исполненный отваги и удалства, онъ проводилъ время, по сражаясь съ волнами океана на легкой *вѣтка* [*], по лѣгая по утесамъ, въ погонѣ за хищными орлами. Андрей любилъ шумить вмѣстѣ съ Ольгою надъ меланхоліею сестры; но любилъ ее горячо, а Ольгу? Можно ли было не любить ему Ольгу, милую, веселую Ольгу, подругу съ дѣтства,

(*) Вѣтка—берестяная лодка.

которая раздѣляла съ нимъ большую часть его походовъ, и также масперски умѣла сбираться на вершины неприступныхъ скалъ, и не разъ отваживалась даже рискнуть жизнью на обманчивой поверхности моря?

Опцы ихъ были, какъ мы уже сказали выше, друзья также съ дѣпспва; но споль же различны нравами, какъ Елизавета и Ольга. *Судьба*, рослый спарикъ, съ доброю, но съ задумчивою, почти мрачною физиономією, смопрѣлъ на мѣръ, какъ на явленіе минувшихъ тѣней, и не привязываясь ни къ чему сердцемъ; никогда не ропсалъ на свой жребій, не опчаявался въ прощеніи и не предавался надеждѣ, пользовался земнымъ—наспоящимъ, и думалъ сполько о бу-

душемъ—небесномъ. Необыкновенная швердоспъ души была его опличительною чертою. На прописиъ *Неволя*, опъ природы веселый и добрый, не имѣлъ, къ несчастію, сего прекраснаго качества; часпо увлекался минупными впечатлѣніями, и если бы не великодушный другъ, онъ бы упалъ давно духомъ. Но даже самая дружба его не была безмятежна: невѣрный своимъ мнѣніямъ, онъ легко впадалъ въ ложныя заключенія, и часпо оскорблялъ Судьбу своимъ, правда, самымъ крапкимъ, но все таки разрывомъ, копорый, въ положеніи ихъ, былъ равно для обонхъ мучительнъ.

Жена Неволи, Анна Анпоновна; особенно способствовала ихъ ссорѣ: эпо была родъ маленькой Ксанпины, шак-

же горячо любившей своего мужа, сполько же доброй и сполько же вздорной. Бѣднoсць и уничиженіе не могли ее излечить опъ пустаго чванства и самыхъ глупыхъ расчеповъ чеспoлюбія. Правда, чванство ея имѣло и хорошую спорону, именно: вело ее къ удивительной чистотѣ въ домашнемъ быту; но много, много было и зла опъ этого проклятаго порока. И по сказати: когда же порокъ бываетъ безъ худа?

На противъ жена Судьбы, милая, добрая и ксипати упомянуть: дорожная спарушка, Варвара Степановна; была совсемъ иная... Но довольно о характерахъ: авось намъ удасья познакомиться лучше съ ними чипапеля въ самомъ дѣйствіи нашей повѣсти.

II.

Быль Январь, часъ девятый вечера, но это не быль вечеръ: ибо безсмѣнная ночь продолжалась уже съ половины Ноября. Заря вспыхивала, около полудня, на Южномъ краѣ горизонша, и шопчасъ потасала; но солн-

1*

це, прекрасное, благопшворное солнце не восходило: ни просьбы, ни мольбы, никакая сила и могущество чловѣческое не власпны были поднятъ его изъ далекихъ безднъ, и хопя на минушу дашь взглянушь на его свѣпозарный ликъ. Мы привыкли видѣть сѣ прекрасное свѣпило, и, проспясь съ нимъ вечеромъ, не думаемъ никогда о его восхожденіи; *завтра утромъ* — говоримъ мы равнодушно; но чпобы почувспвовали мы, когда бы намъ сказали: ушра уже не будетъ; солнце не взойдетъ долго, долго, и ночь поспоянно будетъ покрывашъ небо? Съ какимъ бы нешерпѣніемъ мы ждали благодатнаго его явленія; съ какимъ бы воспоргомъ увидѣли его первый лучъ!

Такъ наши пуспынныя семей-
ства, съ копорыми мы познакомили
чишашеля въ предъидущей главѣ, со-
бравшись вмѣстѣ, въ домикъ Судьбы
около чаю, на канунъ возвращенія
солнца, почпи полько и разговарива-
ли объ немъ.

—Воптъ, брагъ Григорій Пешровичъ
—сказалъ со вздохомъ Неволя,—въ ка-
комъ мѣспечкѣ Господь привелъ насъ
ножиць : и солнышка-то не скоро
дождешься!

„За то мы лучше научились пе-
перъ цѣнить его . . .“

—Да, спасибо Бирону! воптъ ско-
ро исполнится уже шридцать лѣтъ,
какъ мы занимаемся эптою оцѣнкою!

Правду скажешь: онъ не могъ намъ
дать лучшаго занятія, чтобы отъ
насъ отдѣлаться!

„И я скажу — подхватила съ улыбочкою Ольга, — что лучше не желала бы знать вовсе цѣны солнцу, нежели сидѣть два мѣсяца почти въ пошмахъ. Такая скука! Какъ, я думаю, должны быть счастливы тѣ люди, отъ копорыхъ оно никогда шакъ на долго не скрывается! Я думаю, они не насмотрялись на него. . . .

— На проливъ шамъ, гдѣ оно появляется каждое утро — говорилъ Судьба, — на него почти не смотряшь, и даже не примѣчаютъ, есть ли оно на небѣ.

„Какъ? Неужели можно видѣть каждый день, въ печеніе года, такое прекрасное свѣпило, такое великолѣпное, такое благопворное и имъ не любоваться и не смопрѣть на него?... Ахъ, Боже мой, эшо даже не вѣрояшно!

—А между тѣмъ эшо почно такъ! Человѣкъ обыкновенно не дорожитъ тѣми благами, копорыми поспоянно пользуется. Часпо онъ пренебрегаетъ существеннымъ, и гоняется за мечшою. Есть люди, копорые ни разу въ жизни не взглянули съ размышленіемъ на прекрасное зрѣлище звѣзднаго неба; ни разу въ жизни не любовались очаровательною Звѣздою Вечера, и вѣчно думаютъ шолько о шѣхъ

звѣздахъ , копорые удовлетворяють
чесполобюю . . .

—Если вы не шупните, бапюш-
ка — сказала Елизавета;—по я, право,
не знаю, что подумать о такихъ лю-
дахъ. Мнѣ кажется, нельзя не поль-
ко не глядѣть, но наглядѣшься на
прекрасное звѣздное небо. Когда я смо-
плю на звѣзды, на луну: онѣ, ка-
жется, такъ сладко, такъ внятно
говорятъ со мною! . . .

„А мнѣ, запрошивъ, эша луна—пере-
била съ улыбкою Ольга—такъ надо-
ѣла въ печеніе эшихъ двухъ мѣсяцовъ,
что, право, не смонрѣла бы на нее,
и я почти выхожу изъ шерпѣнія, о-
жидая прекраснаго моего солнца. . .“

„Ну теперь недолго! — сказала Варвара Степановна.—Если завтра будетъ ясная погода; по и я съ вами попащусь на гору, чпобы встрѣтитъ нашего милаго госпя. . . Чай, и ты пойдешь, Анна Антоновна: вѣдь прежде мы всегда, бывало, вмѣстѣ праздновали эшоптъ день.

„Не знаю, Варвара Степановна, а надо : великъ ли еще Богъ встрѣтитъ въ другой разъ, кво вѣсптъ?“

—Ахъ!— воскликнула Ольга—если бы меня не пустили, я умерла бы, кажется, съ шоски! Шупка ли? Мы не видали солнышка цѣлыя восемь недѣль!

„Дѣти!—сказала Судьба съ опеческою доброшою — вы теперь рве-

пшсь смопрѣшь на солнце, а забыли, чпо чѣмъ болѣе будешъ увеличивашься день, шѣмъ менѣе будемъ мы видѣшь эшопѣ великолѣпный фейерверкъ, копорый нынѣ безпреспанно горитъ надъ нашею головою. . . Богачи прашашъ шысячи, чшобы увидѣшь чшобынибудь эшому подобное, а мы, бѣдняки, видимъ эшо безпреспанно. . . . Нѣшь, дѣши! швореніе Божіе равно прекрасно, какъ при владычествѣ дня, шакъ и ночи, и, сверхъ, шого, не правдали, чшобы, съ появленіемъ дня, человекъ почши перяетъ изъ виду небо, и весь погружаешъ въ земную заболу, а ночь показываешъ ему во всемъ величии Божіе всемогущество? Мнѣ кажешся, шупъ ешъ даже какое—шо шайное согласіе: когда насупаешъ время сна, подобіе смерти, шогда онъ

крывається надъ челоуѣкомъ вѣчності
и безпредѣльности, символи безсмер-
тія.

„Конечно такъ—говорила Ольга,—
створеніе Божіе всегда прекрасно: и при
свѣтѣ дневномъ и при огняхъ Сѣвер-
наго сіянія; но—все таки невольно
радуешься приближенію солнца. При
вспрѣчѣ перваго луча его, душа какъ
бы оживаешь; сердце такъ забьется
радосно, и, мнѣ кажется, такое же
чувство разливається въ немъ, какъ
бы челоуѣкъ, умершій вдругъ ожилъ
и вспалъ изъ могилы. Прежде я еще
какъ-то равнодушнѣе переносила ноч-
ное время, а нынѣ — Богъ знаетъ
почему! — оно мнѣ показалось такъ
длинно, такъ длинно!

— И мнѣ поже — подхвапиль Андрей—эпо время кажепся безконечнымъ, и я даже начинаю опчявапьясь, ужъ взойдепъ ли когда нибудь солнце.

— Причина эпому неперпѣнью весьма понятна!—замѣпилъ съ улыбкою Неволя.—И мы во время оно. . . не правда ли, Анна Анпоновна? . . . когда насъ стговорили, пакже думали, что не будепъ конца несносной опсрочкѣ.

—Полно, балагурь!—опвѣчала Анна Анпоновна, спараясь скрыпъ сладкую улыбку, блеснувшую на ея губахъ при воспоминаніи о пріятнѣйшемъ времени молодости.—Взгляни-ка, въ какую краску вогналъ ихъ, бѣдныхъ!

„Да, молодость—говорилъ Судьба, дая разговору болѣе важный видъ — неперпѣлива во всѣхъ случаяхъ жизни. Она вѣчно увлекается своими чувствованіями; но человекъ долженъ всегда владычествовать надъ собою, надъ обспоянелспвами, надъ природою: ибо тогда только онъ будетъ, гдѣ бы ни находился, спокоенъ и счастливъ. Скажу даже про себя: много перешелъ я превратностей въ жизни, но вездѣ видѣлъ, что душу легко можно пріучить ко всякому положенію, и во всякой сферѣ сспоянія есть непременно свои условія сспія. Боже мой! что такое счастье? Когда чувствую миръ въ душѣ; когда вижу спокойствіе въ своемъ семействѣ; когда увѣренъ, что друзья мои ко мнѣ искренни: я рѣшительно

†
■

счастливи въ эту минушу, хопя и брошенъ за прудесятъ земель въ прудесятое царство. Если нѣтъ миру ни съ самимъ собою, ни съ другими: тогда повсюду адъ, гдѣ бы человекъ ни былъ. Въ обществѣ эта истина, правда, не такъ ощутительна: нѣтъ миру въ душѣ—прибѣгають къ разсѣянію; нѣтъ миру съ другими—ищутъ новыхъ связей. Но мы, сироты среди блага свѣта, мы, одинокіе жильцы пустыни, должны, кажется, вполне увѣриться, что миръ и любовь намъ необходимы. . . Ахъ, друзья мои! дайте мнѣ всѣ обѣщаніе, что въ нынѣшній годъ, доколѣ солнце не скроется отъ насъ, ни малѣйшій птѣнь оскорбленія не закрадется въ наши сердца. Дѣти мои! начинаю съ васъ.

„Мы общаемся, любезный ба-
пюшка!“ — вскричали Елизавета и
Андрей.

— И я — подхватила Ольга.

„Всѣ, всѣ, общаемся!“ — говорилъ
съ полушупкою Неволя.

— Если пакъ, по не правда-
ли, друзья мои, что мы, въ эту ми-
нуту, счастливые всѣхъ вельможъ и
богачей?

Всѣ подтвердили вопросъ Судьбы.

Чай кончился. Бесѣдующіе раз-
дѣлились на группы. Старые загово-
рили о минувшемъ, а молодые приня-
лись за работы: Андрей пересматри-
валъ сѣпи; дѣвушки вязали чулки и

между тѣмъ тихо напѣвали одну изъ
любимыхъ Судьбою пѣсень.

„Ахъ, ты родина ль моя, родина!
Справа милая, справа радости,
Гдѣ прошли мои годы первые,
Годы первые, невозвратные!

* * *

Вихры ярые, вѣтры буйные
Унесли меня, добра молодца,
Со родины со споровушки,
Разлучили-то съ ошцемъ, матерью,
Съ ошцемъ, матерью, съ родомъ, племенемъ. . .

* * *

Ужъ опять когда я увижу ли
Тебя, родина не забвенная?
Я слою ль когда ношу шляпку
Жизни скучная на берегу родномъ? . .

* * *

Нѣтъ, не печь рѣкъ вверхъ къ исходящу;
Не бѣжать ручью на крутую скалу;
Дню минувшему не приходи назадъ:
Не видать мнѣ, безпріютному,
Ни родныхъ полей, ни родныхъ людей,

И сложишь-то, знашь, буйну голову
На чужой земль, на чужихъ рукахъ!“

Судьба слушаль съ величайшимъ
вниманіемъ, и, глубоко распроганный,
началь непримьбно упирашь слезы.

—Ужь не плачешь ли?—насявши-
во спросилъ его Неволя. — А кажешся
недавно проповѣдываль о счасіи!

„Эпо сладкія слезы, Алексѣй Ми-
хайловичъ! Ахъ! Русская пѣсня на Рус-
ское сердце дѣйствуепть удивипельно!
Такъ и видишь мапушку Русь, съ ея
бодрымъ, удалымъ, чуднымъ наро-
домъ!

—Но все — таки эпа пѣсня ужъ
слишкомъ заунывна; лучше бы—пове-

селье! Да не спѣшь ли Тунгускую:
охурь, іохурь?

„А что въ самомъ дѣлѣ!—подхвати-
ла, смѣясь Варвара Степановна.—Спой-
ше-ка, да ужъ коли пошло къ тому
дѣлу, шакъ и спляшише ради завпре-
шняго нашего праздника.

— Извольспа.

Алексѣй Михайловичъ, приговари-
вая: *охурь, іохурь*, началъ плясать
по-Тунгуски; все общесиво, смопря на
него, помирало со смѣха; самъ Судьба
не могъ не разсмѣяться; но вдругъ
послышался лай собакъ, всегда чую-
щихъ еще вдалекъ приближеніе чу-
жихъ людей. Пляска оспановилась, и
всѣ спали прислушиваться; ибо при-

ѣздъ госпя былъ для нашихъ пу-
спынниковъ самая рѣдкая и радос-
тная эпоха.

III.

Въ то время, какъ наши спранники, подъ кровомъ дружества и мира, такъ спокойно и весело проводили самую скучную часнь полярнаго года, почти забывая, гдѣ они, и что во-кругъ нихъ дѣлается,—ихъ окружала

пустыня дикая, покрывшая глубочайшимъ снѣгомъ, и по разрываема буйнымъ, воющимъ вѣтромъ, по, какъ могила, покойная подъ гнѣпомъ мороза, превышавшаго всякую мѣру и всякое воображеніе. Нигдѣ, на величайшемъ пространствѣ, не было видно ни только челоуѣка, но и самыхъ слѣдовъ челоуѣческаго жилища. Никакое живописное не могло переносить спрашной силы полярнаго мороза: птицы улепали въ теплѣйшія спраны; звѣри скрывались въ норахъ. Изрѣдка только появлялся бѣлый медвѣдь, не ярый, не гнѣвный, но угрюмый и мрачный, какъ окружающая его природа.

Мы сказали выше, что была ночь;—ночь, правда, слишкомъ продолжительная, но за то великолѣпная,

очаровательная. Представте себѣ синее небо, и по всему пространству его разсыпанные миллионы мерцающихъ звѣздъ. Онѣ не грѣютъ, не освѣщаютъ, но, подобно блестящимъ очамъ эфирныхъ духовъ, смотрятъ съ неба, какъ бы съ участіемъ, на печальную землю. И не по мановенію ли сихъ горнихъ жильцовъ вдругъ вспыхнуло, по всему пропаяженію Сѣвера, пламя, но пламя небесное, какого никогда не возжигала рука человѣческая? Свѣтъ его подобенъ воображаемому свѣту окрестъ чистыхъ духовъ: тонкій, прозрачный, почти духовный. На землѣ нѣтъ для него ни словъ, ни примѣра, а смотря на небо, можно уподобить его только млечному пути, столько же духовному и столько же непоспизимому. Изъ сего

свѣпозарнаго облака мгновенно взлетѣли къ зеницу бѣлые, лучеобразныя сполбы, и начали—бой ли между собою, или чудную игру, можетъ бысть, поняшную лишь для однихъ безплошныхъ жильцовъ ээира. Сполбы перебѣгали, съ непоспнжимою для смершнаго скороспню; сщнбались, повидимому, между собою, но невредимо пробѣгали другъ сквозъ друга, не разрывая небснаго своего шѣла, и съ каждымъ мгновеніемъ новья шолпы ихъ раждались и исчезали. Но еще явились невиданныя, чудныя бойцы, какъ бы воспаленныя гнѣвомъ, или обагреныя кровію. Вся пуспыня, до шого блѣдная, покрылась опъ нихъ пожарнымъ заревомъ. Взору они предспавлялись шемнокрасными, почти малиновыми цилиндра-

ми, спольже быспро лепавшими, какъ сполбы, и спольже скоро изчезавшими и возрождавшимися; но что они были на самомъ дѣлѣ? и что такое значить все это удивительное, волшебное зрѣлище? Я бы сказалъ: это сновидѣніе спящей природы; но на мысль мою возопіюшь отивсюда: ибо и мудрецъ и невѣжда давно слияпся изъяснить сіе явленіе, хопя оба спояптъ почпи на одной спепени.

Посреди освѣщенной симъ небеснымъ пламенемъ полярной пуспыни, ѣхали на собакахъ шрое пушеспивенниковъ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный мореплавателъ Шалауровъ, другой—сынъ его, а шрешій—ихъ служивелъ, изъ опшавныхъ машрозовъ. Каждый изъ нихъ былъ одѣпъ въ

двухъ шубахъ, изъ копорыхъ одна, называемая по — Якутски: *саналкъ*, была надѣта вверхъ шерстью; на головѣ былъ чебакъ; на лицѣ — заячья маска; на шеѣ — ошейникъ изъ бѣличьихъ хвостовъ; на рукахъ—рукавицы изъ лисьихъ лапъ вверхъ шерстью; на ногахъ—шорбасы изъ оленьей кожи.

— Какъ, Владиміръ, говорили у васъ въ училищѣ о здѣшнемъ сіяніи? —спросилъ Шалауровъ своего сына.

„Мнѣніе ученыхъ различны, бапюшка; но большая часть полагающъ. . . .

Эхъ, Владиміръ Никипичъ!—перерывалъ мазпрозъ—какъ можно полковашъ о небесномъ, когда мы не знаемъ, что

и вокругъ - то насъ совершается. Вотъ хопъ шеперь, примѣрно сказпъ, какъ вы думаете: куда намъ ѣхать? А я какъ ни погляжу, Никипа Андреевичъ, только ѣдемъ мы не на ваше зимовье Какъ бы намъ не заблудиться, храни Боже, на эпомъ дьявольскомъ пуспоплетсѣ, а морозъ, слышь, такъ и прохвываетъ!

—Послѣ сяннн, морозъ всегда увеличивается—опвѣчалъ Шалауровъ.— Но почему ты думаешь, что мы ѣдемъ не къ своему зимовью? . . .

— А вонъ, посмоприпте, направо: видипте ли упесъ—шо? . . . Вотъ уже пройдепъ облачко-шо мимо мѣсяца,

шакъ будешъ виднѣ. . . Вонъ, вонъ,
видише пеперь, бѣлѣтся—шо?

„Теперь вижу. . . .“

—Мнѣ эпошъ ушесъ сильно па-
мяненъ. Вишь, шлялись мы съ оп-
цомъ за звѣремъ; шакъ меня лукавой
угораздилъ взлѣзь на эпошъ ушесъ
за орломъ . . . Я тогда былъ еще
мальчишкой. . . . Чупъ я не оборвал-
ся, и поминай бы какъ звали
Тфу, какъ начало забирашъ; руки, словно,
не мои спановяшся! . . .

„Ну шакъ чшо же эпошъ ушесъ?“

—Такъ вопъ видише: если бѣхашъ
пеперь, не сворачивая къ нему, наль-
во; шо какъ разъ выѣдешъ къ Бара-
нову камню, къ зимовьямъ ссыль-

ныхъ. . . . Вопшь куда унесло насъ,
проспи Господи! . . . Экой дьяволъ
эпопъ Тунгусишка! Пришло же ему,
окаянному, въ голову бросить насъ
на пустоцлесъ. . . Чшобъ ему око-
лѣшь дорогою!

„Нечего дѣлать теперъ. Ъхашъ
къ моему зимовью ужъ далеко; поѣ-
демъ къ Баранову камню.

Между шѣмъ морозъ съ часу на часъ
увеличивался. Воздухъ быспро сгуща-
ясь, превратился въ ужасный шуманъ.
Бѣдные путешеспвенники были окру-
жены непроницаемою мглою и дол-
жны были ѣхашъ на угадъ. Дыханіе
съ прескомъ замерзало, и лицевая ма-
сса покрылась шолспою куржевиною;
грудь шѣвенило; рѣсницы смерзались.

Надобно было имѣть много и мужества и здоровья и особенно привычки, чшобы перенести эпопѣ ужасный холодъ, копорый, подобно пламени, пожигалъ шѣло.

— Ахъ, Боже мой! — прошепсаль сынъ Шалаурова едва слышнымъ голосомъ. — Ноги мои совсѣмъ оледѣнели, и смертельно сонъ клонитъ меня. . .

„Опѣ что же ты давно не сказалъ мнѣ? — сказалъ Шалауровъ. — Сходи скорѣе съ санковъ и бѣги бѣгомъ!

„Сей часъ, бапцюшка! — отвѣчалъ Владиміръ, и между шѣмъ не шевелился съ мѣсна. Смертная, но самая, говоряще, сладкая дремоша овладѣвала имъ. Шалауровъ опрометью скочить

со своихъ санковъ и заспавилъ сына силою бѣжающъ вмѣстѣ съ нимъ, хотя на бѣгу еще болѣе захватывало дыханіе. Въ это время подулъ небольшой *хуръ* съ моря, и шуманъ началъ прочищаться.

„Сберись съ духомъ, Владиміръ: жилье, кажешся, недалеко. . . . Смотри-ка, Степанъ: чпо это шакое, звѣзда, или огонь?”

— Да, кажись, чпо огонь! Слава те, Христе! Признаюсь: и я прухнулъ было! Мой опецъ положилъ, чущь ли не на эпомъ мѣспѣ свою головушку: думалъ я, и мнѣ не оспашься бы здѣсь: Ночь, шуманъ, а дорогу одинъ Богъ знаетъ. . . .

— Я не могу идти далѣе — говорилъ Владиміръ; — чувствую, что кровь во мнѣ мерзнетъ. . . .

„ Спи́дись, мой другъ, будь такъ слабымъ — говорилъ Шалауровъ, примѣшно смущившійся, но умѣвшій во всякой опасности владѣть собою; — спарайся собравъ съ силами; ночлегъ недалеко. . . . Чу! слышишь ли лай собакъ? . . . Ободри́сь, мой другъ! . . . Пойдемъ скорѣе!

Такимъ образомъ Шалауровъ, сохраняя все присущіе духа, хопя и спрашась за сына внутренно, пощипи на рукахъ допашиль его до хижинъ, гдѣ обитали наши знакомцы.

Шалауровъ былъ по званію — ку-

пецъ, но Герой по духу отважному, предприимчивому и неуспрашиму; послѣдняя опрасль сихъ пламенныхъ мужей, копорыхъ душа горѣла любовью къ бипвамъ и подвигамъ. Тѣ ошибаются, копорые думаютъ, что одно корысполубіе было пружиною всѣхъ великихъ дѣлъ, совершенныхъ завоевателями Сибири: мелкая спрасль довольствувенся и мелкими средспвами. Но переходя изъ пуспыни въ пуспыню, опть бипвы къ бипвѣ, сражаясь съ людьми и съ природою, наконецъ пускаясь въ неизвѣспныя и ледяныя моря на уплыхъ ладьяхъ, надобно было имѣть несравненно возвышеннѣйшее побужденіе, нежели подлая корыспль. Кію знаетъ духъ Русскаго народа, шопть легко изъяснить сіе побужденіе. Что заспавляетъ, на-

примѣръ, нашего просполоудна бросаешься въ рѣку, когда она покрывается льдомъ, и скакаешь, съ величайшею опасностію, со льдины на льдину? жажда похвалы, славы, врожденное мужество и отвага! Нося въ душѣ эпопѣй высокій даръ природы, *Эрмакъ* пустился завоевывать царство; *Кабаровъ* бросился со 150 человекъ за пріобрѣтеніемъ Амура; *Дешневъ* отважился предаться бурямъ и льдамъ Ледовитаго океана. Сюда же принадлежатъ и Шалауровъ!

Сынъ Шалаурова не былъ паковъ, какъ его отецъ; но имѣлъ другія прекрасныя качества: наружность благородную, душу чувствительную, умъ образованный.

Третій супутникъ розказавъ уже
самъ о своемъ життѣ, бытѣ.

И такъ поспѣшимъ за Шалауро-
вымъ въ домикъ Судьбы.

IV.

Надобно проѣхашь верспъ двѣ-
спи или приспа по снѣжной пуспы-
нѣ, подѣ вліяніемъ *хіуса*, *пурги*,
сорока-градусныхъ морозовъ, безъ ма-
лѣйшей надежды на теплѣй нощ-
леги, чщобы живо предспавишь вос-

хищеніе Шалаурова, когда онъ нашель, сверхъ всякаго ожиданія, приюпль не только шепмый, но чистый, удобный, самый пріятный, и при томъ хозяевъ радушныхъ, добрыхъ и умныхъ. Зрѣлище счаспія сихъ двухъ семействъ, опдѣленныхъ отъ міра и заброшенныхъ на край земли, не могло не поразить его и не пробудить различныхъ идей въ его мыслящей душѣ.

— Признаюсь, Григорій Петровичъ—говорилъ онъ, выходя на другой день поушру изъ своей комнапы—чѣмъ я болѣе думаю о вашей здѣшней жизни, тѣмъ болѣе ваше положеніе дѣлается для меня поучительнѣе. Я вѣкъ свой проскинался за мечпою, называемою счаспіемъ—и не

былъ счастливъ, а вы нашли его въ несчастіи!

„Такъ, теперь мы всѣ, дѣйствительно, счастливы—опвѣчалъ Судьба съ глубокимъ вздохомъ:—ибо дѣти мои [Ихъ не было при семъ разговорѣ.] родились здѣсь, и не видали лучшаго, кромѣ пѣхъ крохъ, копорыя оспались у насъ опъ прежняго нашего имѣнія; самъ я соспарѣлся, и, какъ знашь, можешъ бышь прежде, нежели совершишь солнце наспупающій кругъ, меня уже не будешъ въ эпой пуспынѣ. Но чего спойло, Никипа Андреевичъ, приучашъ душу къ наспоящему положенію? Чего спойло видѣшь себя обреченнымъ на вѣчное бездѣйствіе, видѣшь себя погребеннымъ въ эпой пуспынѣ, когда я чувспвовалъ

*

еще крѣпость силъ моихъ; когда еще зналъ, что я могу быть, хотя чѣмъ нибудь, полезнымъ моему Опечеспву?“

— Я понимаю твою прошедшую скорбь, великодушный человекъ—опвѣчалъ Шалауровъ, сжимая руку Судбы; — ибо чувствую, что если бы опняли у меня прекрасную свободу служилъ моей родинѣ, я не перенесъ бы этого! Повѣришь ли ты мнѣ, другъ мой. . . [Дозволь мнѣ называть тебя эшимъ именемъ!]. . . повѣришь ли мнѣ, что не смопря на мое неважное званіе, — слава, благо Опечеспва наполняютъ, пожигаютъ мою душу. Хочу быть ему полезнымъ, и положу мою голову, или прибавлю хотя единую каплю къ его славѣ и благоденствію. . . Знаю, что это мечта,

но пусть будетъ такъ; не разрушайте этой сладкой мечты!

„Если эпо и въ самомъ дѣлѣ мечта — говорилъ съ чувствомъ Судьба, — то мечта благородная, прекрасная. Ахъ! вы пробудили и въ моей душѣ много прежняго, но мое время уже прошло! [На глазахъ Судьбы мелькнули слезы.]

— Ба, ба, ба! — воскликнулъ вошедшій въ комнату Неволь. — Опять ты, братъ Григорій Пепровичъ, что-то зарюмилъ! . . . Ну что, какъ вѣшь больной, Никиша Андреевичъ?

„Благодаря моихъ добрыхъ хозяевъ, ему лучше.“

Слава Богу! . . . Да гдѣ Варвара Степановна? . . . Чай, собирается на гору? . . . А вопшь и моя спаруха тащится. . . Тфу шы, Господи! какъ всѣ разфранпились! На всѣхъ новые паршки и шорбасы! Хопшь сейчасъ всѣхъ въ придворный маскерадъ предспавъ!

Наконецъ часу въ одиннадцатомъ дня разсвѣшало.

„Пора, пора!—провозгласилъ Алексѣй Михайловичъ.—Если идши, пакъ мѣшкашь нечего! Пойдемше, Варвара Степановна; я васъ поведу на гору; вѣдь я вашъ спаринный кавалеръ.“

А если пакъ—сказаль, улыбаясь Судьба, — по надѣюсь, вы позволите

мѣ пройпись съ вами, Анна Антоновна!

Такимъ образомъ спарики пошли впередъ, и вмѣстѣ съ ними Щамауровъ. Андрей велъ свою невѣсту, а Владиміръ Елизавету. Подъемъ на гору былъ довольно крупъ, но не снѣженъ; ибо снѣгъ былъ размѣпенъ въпромъ. Равнымъ образомъ вершина горы была почти совершенно чистая. Взойдя на нее, пуспынники увидѣли предъ собою карпину дикую, но величественную. Къ Югу и Западу видѣлась безпредѣльная шундра, убѣгающая отъ взора; къ Сѣверу и Востоку — море молчаливое, безмолвное, какъ вѣчнось, со своими хрустальными, волшебными горами, горѣвшими, при переливахъ зари, разнообразными

глянцами. Но вниманіе пуспынниковъ было все обращено на Юго-Воспокъ, гдѣ скрывался еще предметъ ихъ непрерывныхъ ожиданій. Къ счастью ихъ, погода была ясная; холодъ, по причинѣ большаго вѣтра, умѣренный [*].

— Кажется, теперь ужъ недолго? — говорила Ольга.

„Да! свѣтъ на краю неба спановишься уже весьма бѣль — замѣнила Варвара Степановна.

— Много что еще минуть пять! — говорилъ Неволья.

„Дай Богъ, чтобы поскорѣ—ска-

(*) Морозы на берегахъ Ледовитаго океана неже, нежели во внутренности Сибири; при шокъ во время вѣтра они дѣлаются умѣреннѣе.

заль Андрей;—въ пуспынѣ поднимаетъ ся шуманъ, и облака, какъ нарочно, бѣгутъ быспро на Югъ. . .“

—И скоро совсѣмъ закроютъ бѣдную мою луну!—замѣтила Елизавета своему спутнику.—Посмотрите на нее: какъ поблѣднѣла она, почно какъ бы опъ печали, чпо разспается съ нами.

„Вы, вѣрно, любите луну?—спросилъ Владиміръ, сполько же, какъ Елизавета, склонный къ мечпанію.“

Можно ли не любить этого прекраснаго свѣтила? — отвѣчала она.

„Я и самъ люблю его! Мнѣ всегда кажется, когда на него смопрю, чпо будно шамъ моя родина, чпо сюда я сполько брошенъ на минушу, и чпо

скоро опять увижу эту родную спрану. . .“

— Но вамъ еще рано думать о смерти?„

„Боже мой! почему рано? и что жизнь, когда не надѣюсь быть въ ней счастливымъ? Какой - то шайный голосъ это мнѣ нашептываетъ безпрестанно. . .“

Не нужно оканчивать сего разговора: ибо кто не вель подобнаго въ своей молодости? Молодые люди всегда склонны къ мечтанію о смерти: ибо смерть заключаетъ въ себѣ много поэзии, и представляетъ обширное поприще для фантазии. Особенно вблизи прекраснаго, милаго существа само.

сердце говорить невольно о смерти, чтобы возбудить в груди подруги участие, сожаление, всегда почти перерождающиеся в любовь. То же было и между нашими друзьями. Но надобно сказать прежде, что сердце Елизаветы, по неизъяснимой игре природы, в самый первый миг появления Владимира, казалось, сказала ей ясно: это онъ. Никто не замечил тогда ее смущения, и сама она не могла изъяснить своего чувствования; но при семъ расположеніи ее души печальное размышленіе Владимира естественнo должно было сдѣлать на нее сильное впечатлѣніе. Она невольно взглянула на него съ сердечнымъ участіемъ; души ихъ таинственнo узнали уже одна другую; нужно было только, чтобы электрическая искра переле-

пѣла между взорами. Она блеснула — и волшебный огонь любви вспыхнулъ въ сердцахъ. Чпо чувспивоваль въ сію небесную минупу Владиміръ, описаль прудно: ибо первое воспламененіе любви еспь явленіе, неизъяснимое земными словами. Казалось, онъ чпо-шо хопѣль сказаль еще, но взоры его высказали уже все; не было мысли, копорую бы онъ могъ упопробиль съ приличіемъ; разумъ его какъ бы попомнѣль, ибо пылало сердце. Наконецъ онъ собрался съ духомъ, но въ эшу самую минупу, всѣ бывшіе на горѣ, не снося взоровъ съ Юго-Воспока, воскликнули съ величайшею радоспію: „Вопъ оно! Вопъ оно!“

Золопой край солнца показался изъ за горизонта и блестящій лучъ его

мгновенно разсыпался на миллионы алмазных искр инея, и, озаривъ ледяныя горы, засверкалъ яркими звѣздами по ихъ зеркальной поверхности. Завиднѣлись вдали волшебныя башни, дворцы, города, сложенные изъ чистаго хрусталя не рукою смертнаго: *кто смертный бы къ нимъ прикоснулся?* Различныя видѣнія по приближались, по углублялись въ даль моря, по движенію волнъ, и внезапно самыя опдаленныя являлись самыя близкими, почти доступными ошупи рукъ [*]. Казалось, не законъ природы владычествовалъ здѣсь, но очарованіе и волшебство.

Пустынники, съ минушы появле-

(*) Этошь оптической обманъ весьма часто случается въ полярныхъ моряхъ.

нія перваго луча, смопрѣли, съ радостнымъ препеномъ сердца, на восходъ давно невидѣннаго ими солнца, и когда огненный шаръ его вышелъ весь изъ за опдаленной пундры, они бросились обнимать и поздравлять другъ друга съ желаннымъ и милымъ гостемъ. Елизавета и Андрей цѣловали руку Судьбы; Ольга въ воспоргѣ кинулась на шею опца. Всѣ были веселы, радостны, счастливы; всѣ чувствовали такое же восхищеніе, какое ощущаетъ иногда сердце при встрѣчѣ стараго и любезнаго ему друга, бывшаго въ долгой разлукѣ.

Между шѣмъ солнце, едва опдѣлившись опъ горизонпа, опять начало склоняться къ нему; такъ что въ продолженіе одного часа были и

ушло и вечеръ. Пустынники дожда-
лись минушы закапа, и тогда Судь-
ба сказала: „Ну, друзья мои! пойдём-
те же, поблагодаримъ Бога, что онъ
еще сподобилъ насъ увидѣть прекра-
сный день свой.“

V.

Солнце, съ каждымъ днемъ, болѣе и болѣе оспавалось на горизонтѣ. Вѣсна, правда, самыми медленными шагами, шакъ сказаць, нѣхочя, но все шаки приближилась, наконецъ, и къ немилымъ ей полярнымъ спра-

намъ. Время было уже позднее: конецъ Маія. Природа должна была дѣйствовать быспро— и въ самомъ дѣлѣ обновленіе ея было внезапное, почти мгновенное: вдругъ снѣгъ исчезъ съ вѣчныхъ шундръ, и снѣжные ручьи хлынули съ горъ въ море. Въ половинѣ Іюня показалась права, и, особенно въ окрестности домиковъ, раскинулась прекрасная земля, и даже разцвѣли цвѣтны. По словамъ одного почтеннаго путешественника [*], сіе мѣсто было самое пріятное по всему тамошнему берегу. Защищенное отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокими горами, оно пользовалось большою теплою, проливъ прочихъ береговъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было орашаемо чистымъ горнымъ ручьемъ.

(*) Сарычева, стр. 95.

Казалось, что съ наступленіемъ пріятнѣйшаго времени наши пуспынники будутъ еще счастливѣе; но, къ сожалѣнію, вышло на оборотъ. Не всѣ изъ нихъ сдержали слово, данное Судьбѣ въ извѣстный вечеръ, и проклятый духъ раздора посѣпиль и ихъ опдаленныя хижины.

Шалауровъ, опъѣзжая, дня черезъ два послѣ солнечнаго появленія, въ свое зимовье, споявшее при успѣхѣ Колымы, не захопѣлъ подвергать сына новой опасности опъ мороза: ибо, находясь полько первую зиму въ полярной странѣ, Владиміръ не имѣлъ еще необходимой привычки для перенесенія памошней палящей спужи. Сверхъ того, шупъ учаспвовала и опеческая любовь. Шалауровъ, сколь-

ко былъ неуспрашимъ и рѣшипелень въ опношеніи къ себѣ, сполько же боязливъ и оспороженъ въ опношеніи къ сыну: слабость природы, замѣченная и въ самыхъ великихъ людяхъ! Не извѣстно, охотно или нѣтъ оспался Владиміръ; но, говорятъ, что онъ не сказалъ ни слова ни рго, ни contra: ибо сердце его было между двухъ магнитовъ, почти одинаково притягивавшихъ. Люди благоразумные скажутъ: „все же ему надобно было предпочесть опца!“ Конечно такъ; самъ Владиміръ думалъ поже; однакожь оспался. Эхъ, друзья мои! кто не былъ молодъ? Кто Богу не грѣшнень? Кто бабушкѣ не внукъ?

Между пѣмъ надобно признапьяся однакожь, что именно это об-

спояпельство, п. е. зимовка Владимира въ домикъ Судьбы, и было причиною раздора, поселившагося между пуспынниками. Чудень человекъ, подумаешь! О чемъ бы, казалось, еще ссориться на берегу Ледовитаго моря, гдѣ и было полько два семейства? Какіе бы могли шупъ вкрасься расчепы, повидимому? Чпо за сплешеніе могло бышь выгодъ и желаній, вдали опъ всякаго поприща спрашпей? Нъшь! и шупъ нашлась шаки причина къ соръ и даже къ злюбъ продолжипельной!

Анна Антоновна хопя и, согласилась стоворипъ Ольгу съ Андреемъ, сыномъ Судьбы; но не совсѣмъ весело смопрѣма на предспоявшую ихъ свадьбу, для совершенія копорой на-

длежало опшравипься въ Нижне - Ко-
лымскѣ. Нечастное чванство напо-
минало ей безпреспанно, что она
не ссыльная; что за мужемъ сво-
имъ она прѣхала добровольно, и
что, слѣдовательно, имѣла полное
право выдасть свою дочь за лучшаго
жениха. Самыя сильныя убѣжденія
мужа, самыя горячія слезы Ольги мо-
гли только поколебать ее; но болѣе
всего служило къ ея убѣженію то,
что другаго жениха не было. Пра-
вда, назадъ года съ два сватался
Средне - Колымской Коммисарь; но
эпопъ женихъ былъ нѣсколько спарь,
т. е. лѣтъ около шестидесяти, и
при томъ походилъ болѣе на мор-
жа, нежели на челоуѣка. Не смо-
пря на сіе, чеспольюбивая Анна Ан-
поновна сильно было начала скло-

нясья на спорону эшого чиновнаго живописнаго ; однакожь Ольга рѣшительно сказала ей, что она лучше бросится въ море, нежели согласишься за него выйти. Такимъ образомъ дѣло не сладилось, и пресловутому Коммисару было сказано, что Ольга еще молода, и что родители ея просятъ дать имъ года на два отсрочки, послѣ которой они пришлютъ рѣшительный отвѣтъ. Ольгѣ дѣйствительно было тогда не болѣе пятнадцати лѣтъ. Въ печени двухъ лѣтъ отсрочки, Коммисаръ, по обыкновенію, попалъ подъ судъ, и былъ отрѣшенъ отъ должности. Паденіе его съ высоты Коммисарскаго престола, какъ само собою разумѣется, дало новое направленіе мыслямъ Анны Антоновны — и тогда жребій

Андрея рѣшился. Но если бы можно было, въ сіе время, заглянуть поглубже въ сердце эпой чесполубивой спарухи; по ясно бы было видно, что главнымъ побужденіемъ ея, при согласіи на бракъ Ольги съ сыномъ Судьбы, была та недоброжелательная мысль, что де и Елизавета не можетъ имѣть лучшаго жениха. Приѣздъ и пребываніе Владиміра въ семействѣ Судьбы пробудилъ ея зависть и чванство. Подозрительными, злыми глазами она слѣдила всѣ поступки Елизаветы и Владиміра. Поведеніе ихъ было самое скромное, самое невинное, но каждое ихъ слово, каждый взглядъ были на счепу Анны Антоповны. Наконецъ она рѣшила, что Владиміръ женился на Елизаветѣ, а я — говорила она съ глухою злобою — опдѣмъ дочь

свою за ссыльнаго! Нѣтъ, этому не бывашь! Судьба хиперь, да вѣдь и я, проспи Господи, не въ лужь крещена!“

—Эхъ, Анна Анпоновна!—говорила мужь ея, спараясь смягчить ея своею скромностию.—какъ тебѣ хочешся запѣвашь пуспяки! Конечно, Андрей сынъ ссыльнаго, да вѣдь и Ольга не Графиня!

„Полно врать, сударь!—вскричала съ гнѣвомъ Анна Анпоновна. — Если бы Ольга была не моя дочь: такъ выдавай бы ты ея за кого хочешь, а пеперь я такъ же имѣю волю!“

„Вижу, что имѣешь—съ горькою усмѣшкою отвѣчала Неволя, — но все

и скажу тебѣ, что изъ опказа твоего ничего не выйдетъ хорошаго, кроме того, что ты разстроишь меня съ моимъ старымъ другомъ. . .“

— Ужъ хороше другъ! Нечего сказать! — прервала съ злобою Анна Антоновна. — Вонъ вчера приходила ко мнѣ Юкагирка, да сказывала, что Судьба цѣлую ночь сидѣла наканунѣ опѣзда Шалаурова, да писала письмо къ кому-то въ Пестербургъ, вѣрно что о прощени, а тебѣ не сказалъ объ этомъ вѣдь до сихъ поръ ни слова: спало бытъ ему своя рубашка къ плечу ближе, а ты такъ, башюшка, готовъ распнушься за него. . .

„Можетъ бытъ Юкагирка говоришь и не правду.“

— Ныпть, правду, попому чпо я сама въ шу ночь видѣла у нихъ огонь почти до самага ушра.

„Спранно! Не поняпно!—восклицалъ легковѣрный Неволя, ходя большими шагами по комнашѣ.—Я всегда былъ готовъ за нимъ въ огонь и воду лѣзшь, а онъ шакъ. . . .

Да ужъ лучше жены ты никогда не найдешь себѣ ни какого друга! Всѣ эти чужіе друзья ни дашь, ни взяшь—водяные пузыри: пошелъ дождикъ—ихъ вскочилъ множество; прошелъ—и начнупъ одинъ за другимъ лопапьяся, а жена шакъ. . .

„Правда швая, Анна Антоновна!—говорилъ убѣжденный и разспроган-

ный Неволя. — Жена первый другъ и въ горѣ и въ радости!“

Послушайся же ты моего совѣта! Коли они хитрятъ, почему же и намъ розвѣвать рошъ? Вопервыхъ я совѣтовала бы тебѣ сблизиться покороче съ Владиміромъ. Его дѣло молодое; ему вскружили голову, а если его хорошенько познакомить съ Ольгою, такъ авось либо дѣло то приметъ и другой оборотъ. . .

„Мапушка! — прервала твердымъ голосомъ Ольга, бывшая до сего времени въ другой комнатѣ, однакожъ слышавшая весь означенный разговоръ — мапушка! я вамъ скажу рѣшительно: не дѣлайте этого. Андрея я люблю болѣе самой себя, и никому,

*

кромѣ него, не опдамъ своей руки, скорѣе умру!“

Я посмотрю, какъ ты не послушаешь меня — прервала съ гнѣвомъ Анна Антоновна. Ты помни, что я мать, и что власна опдамъ тебя, за кого хочу. Если не за Владиміра, такъ выйдешь за Спиридона Ефремыча, а ужъ за Андреемъ тебѣ не бывать во вѣки вѣковъ!

Ольга не могла отвѣчать ни слова и, запершись въ своей комнатѣ, проплакала цѣлый день горькими слезами.

VI.

Со времени описаннаго въ предъидущей главѣ безразсуднаго и оскорбительнаго разговора, семейство Судьбы съ горестію спало замѣчать, что друзья его поступающъ не по прежнему, спраннымъ, неизъяснимымъ об-

разомъ. Перемяна въ ихъ обращеніи началась съ того, что они спали рѣже и рѣже посѣщашь своихъ единственныхъ сосѣдей. Бывало, Ольга почти не выходила отъ своей подружки, а шупшь едва разъ въ недѣлю завершывалась, и по на минушу, и при томъ видимо убѣгала бѣднаго Андрея, который прежде всѣхъ примѣпилъ несчастную перемяну и больше всѣхъ былъ пораженъ ею. Куда дѣвалась прежняя его веселость? Ни какая работа не шла на умъ ему; ни какая охота не веселила его; ни море не могло разогнать его грусть своими могучими волнами, ни далекая пустыня не развѣвала ихъ своими буйными вихрями. Какъ, бывало, прежде веселилъ его, напримѣръ, прилетъ гусей! Съ какою радостію онъ смо-

привалъ на ихъ волнистыя вереницы, и пересчитывалъ, бывало, ихъ вмѣстѣ съ Ольгою! а теперь . . . онъ и не взглянетъ на нихъ, какъ будто бы они уже переспали бытъ вѣспниками прекраснаго лѣта. Такъ-то все зависитъ отъ расположенія нашей души! Природа та же, какова была и прежде, да душа бѣднаго Андрея уже не та! Что ни спанетъ онъ дѣлать, мысли его не ложатся къ дѣлу, и вѣчно кружатся около одного предмета — непостоянной, чудной, но вѣчно любезной Ольги. Куда ни задумаетъ онъ идти, ноги его невольно идутъ по одной тропинкѣ, ведущей туда, гдѣ заключено все счастье его жизни. И между тѣмъ не горько ли было видѣть Андрею, что, въ то время, какъ Владимира зазы-

взкопть, просяпть, ласкаюпть, ему по-
чпи не скажупть ласковаго слова?
„Тупть дѣло ясное!—говориль Андрей
самъ съ собою.— Ольга полюбила Вла-
диміра, а я спаль ей немиль! Без-
божная! Невѣрная! Можно ли было
эпюго ожидапть опть нея? Я ли не лю-
билъ ее съ самаго дѣпспива? Я ли не
угождалъ ей? Я ли не былъ готовъ
для нее на все, на самую смерть? . . .
Забыла, измѣнница, какъ я спасъ ее,
когда буря вдругъ заспама насъ на
морѣ, или когда она оборвалась съ
эпой горы, и я, едва держась самъ
за камни, не побоялся подапть ей ру-
ку. . . . Все эпю прошло! Все забы-
по! . . . Самъ я не понимаю, чпо
со мною дѣлаепся? Во снѣ ли все эпю
я вижу, или на яву? . . . Но если
эпо не сонъ: по чпо будетъ въ моей

жизни? . . . У меня было въ ней одно
только сокровище, и по поперялъ я! . . .
Что же мѣшаетъ мнѣ скорѣе окончить
свое несчастіе? . . . Какъ спокойно море!
Какъ тихо имирно плещутъ волны! . . .
Много ли надобно, чтобы избавишься
отъ этой смертельной скорби? . . . Одно
мгновеніе! . . . “

Такимъ образомъ Андрей, оставлен-
ный Ольгою, доходилъ до отчаянія, а
Ольга! . . . что дѣлала несчастная, милая
Ольга? Не просушала почти глазъ, бѣд-
ная, ни днемъ, ни ночью! Она боялась
спрашнаго машеринскаго проклятія: не
смѣла взглянуть на Андрея, тѣмъ болѣе
говорить съ нимъ; но мыслию, сердцемъ
была съ нимъ неразлучна, объ немъ
только думала, его только любила. . .
Боже мой! кто можетъ повѣдать серд-

цу другого: *не люби*, когда мы и сами не властны надъ нимъ? Но Ольгу особенно перзада ша мысль, что Андрей, не зная чувствованій ея души, сочтетъ ее въпренною, непостоянною, и что любезная ея подруга, которую она такъ горячо любила всегда, такъ искренно уважала, нѣжная, умная Елизавета, можетъ также разлюбить ее и усомниться въ благородствѣ ея души. Мы видѣли изъ словъ Андрея, что опасеніе Ольги вразсужденіи его были справедливы; не могла равнымъ образомъ оспаваться равнодушною и Елизавета: ибо какая дѣвушка, увидя, что любезный ея часно начнетъ посѣщать домъ ея подруги, а подруга эта начнетъ въ то же время какъ бы убѣгать отъ нея, не подумаетъ о ней и

Богъ вѣспѣ чеготъ Правда, она видѣла, что взоры Владиміра все также горѣли какимъ-то прекраснымъ, очаровательнымъ огнемъ, который такъ и льепся прямо въ сердце; но что дѣлать? кто бывалъ влюбленъ, тотъ вѣрно знаетъ, что иногда и видишь— да не вѣришь!

Нужно ли говорить послѣ сего, что положеніе и Владиміра было не совсемъ приятно. Въ одномъ домѣ его ласкали, но ласки были ему въ тягость, особенно, когда въ разговорахъ Анны Антоновны начали проскакивать разныя недомолвки и намѣки, изъ которыхъ онъ легко могъ догадаться о ея намѣреніи. Къ тому, нельзя было ему не примѣтить всегда заплаканныхъ глазъ Ольги и самой

сильной горести, написанной на ея внезапно—увядшемъ лицѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не трудно было заключить, что безпутная мать дѣйствовала противъ ея воли... Ахъ, какъ не сносны бывающъ подобныя покушенія, когда сердце уже сдѣлало свой выборъ! . . . Владиміръ не разъ почти рѣшался высказать напрямки Аннѣ Анпоновнѣ свои чувства, и удерживался только почтениемъ къ ея сѣдымъ волосамъ. Словомъ: въ гостяхъ у Анны Анпоновны жалкой Владиміръ сидѣлъ почтено на иголкахъ. Не ходилъ бы!— скажутъ. Нельзя было, потому что едва онъ высунетъ носъ изъ домика Судьбы, какъ неусыпная Анна Анпоновна шептъ и естъ: „пожалуйста, да пожалуйста!“ Нечего дѣлать: и не радъ, да топовъ. Въ домикъ Судьбы также на-

чинали посмаприваць на Владимира не совсѣмъ искренно и какъ же было сморѣть искренно на такога чловѣка, съ появленіемъ котораго сколько произошло перемѣнъ?

Варвара Степановна душевно сокрушалась о дѣляхъ, и хотѣла было рѣшительно спросить Анну Антоновну: что за бѣсъ вдругъ вселился въ нее; но удерживалась совѣтами мужа, а умный Судьба, зная давно непоспоянство своего друга и вздорной характеръ его жены, всего ожидалъ опъ времени и на частые ропоты Варвары Степановны отвѣчалъ почти всегда одинаково: „Погоди; время все исправитъ. Причина перемѣны ихъ понятна; придетъ Шалауровъ, и все пойдетъ по прежнему. Не для жениды-

бы сына прѣхалъ онъ въ апу пустыню!“

Въ такомъ сомнительномъ положеніи оставался горизонтъ нашей маленькой республики до самаго лѣта, т. е. до начала Іюня. Не было явной ссоры; не было и прежняго согласія, а съ нимъ оплелѣла и веселость и радость. Собирались пустынники, правда, временемъ и въ прежній семейный кружокъ, но только бесѣда ихъ болѣе походила на призну по умершемъ, нежели на дружескую пирушку. Казалось, о чемъ бы шужись и сидѣть повѣся носъ? Солнце уже не только каждый день выходило, но и не пряпалось болѣе за горизонтъ: круглые сушки смопри на него сколько хочешь! Нѣтъ, никто не смоп-

рѣль, даже никто не говорилъ о немъ: не пѣмъ заняты были души!

Съ наступленіемъ Іюня начинающіяся въ Сѣверныхъ странахъ походы Оленей, копорые въ сіе время изъ глубины дебрей обыкновенно пускающіяся величайшими спадками къ берегамъ Ледовитаго Океана. Сіи ежегодные походы эсихъ полезныхъ живошныхъ опносяпся также къ пѣмъ великимъ учрежденіямъ домовипой и мудрой природы, коими она благодѣпельспвуешъ каждой уголокъ земли, дабы сдѣлать его способнымъ къ обипанію чело-вѣка.

Приходъ Оленей еспъ самое благодатное время для полярныхъ жишелей: ибо они мясомъ ихъ запаса-

юшя тогда на круглой годъ. Это дѣлали ежегодно наши пустынники общими силами; и нынѣ положено было иппи на рѣчку *Безымянную* [*], текшую ведалеко отъ ихъ жилища.

Назначенный день, по счастью, былъ ясный, теплый, помнился, еще праздничный; но впрочемъ для нашихъ пустынниковъ былъ вѣчный праздникъ и вѣчные будни. Дни ихъ были совершенно похожи одинъ на другой: ни когда сладостный благовѣстъ не оглашалъ эсихъ унылыхъ пустынь; толпы моельщиковъ не текли по его величественному зову. Праздникъ наступалъ и проходилъ подобно буднямъ.

(*) На картѣ ей имени не означено.

Путешествіе на рѣчку было совершенно пѣшкомъ: ибо она была не далѣе верстѣ десяти отъ жилищъ. Оба семейства участвовали въ немъ, не исключая ни кого. Даже Ольга и Елизавета охотно шли, чтобы посмотрѣть на кровавое зрѣлище. Можетъ быть, въ настоящее время были и другія причины, побуждавшія ихъ участвовать въ путешествіи, а прежде дѣйствительно ихъ занимало и самое зрѣлище.

„Самое зрѣлище?—скажете вы съ удивленіемъ.—Дѣвушекъ, споль милыхъ, споль нѣжныхъ, могла занимать кровавая картина битья Оленей?“ Точно такъ, Милосивые Государи! Но развѣ Испанокъ, прелестнѣйшихъ дѣвъ цѣлаго свѣта, не занимаетъ бойня быковъ, или—что еще гораздо хуже—оправдательная смерть какого ни-

будь мепадора, вздернушаго на рога?—
Всякая спрана имѣеть свои причу-
ды!

Рѣчка Безымянная была въ сіе
время въ полноводіи, и разливалась
на большое пространство. Берега ея
вообще были довольно крупны; въ о-
дномъ же мѣстѣ было особенное возвы-
шеніе, нависнувшее нѣсколько на воду:
тутъ остановились путешественни-
ки. Юкагиры, съ ними бывшіе, и Ан-
дрей приготоновили *вѣтки* и копыя;
прочіе оспались зрители. Цѣлой
день почти прошелъ въ напрасномъ
ожиданіи. Юкагиры просмопрѣли се-
бѣ всѣ глаза; но не было ни малѣй-
шей примѣны появленія ожидаемыхъ
прищельцевъ, и семейства думали уже
оправившяся обратно, какъ вдругъ,

часу въ десятипомъ вечера, маленькое облачко застрѣлось вдали, на краю горизонта.

—Смоприте-ка, рабятя — сказала Судьба Юнагирямъ—что это стрѣнется? Не песокъ ли изъ подъ ногъ Оленей?,,

Да, да, бачка! — отвѣчали Юкагиры — что - то сильно запылило по пескамъ! Чуть ли это не Олени! . . . Такъ, они! Они и есть!—вскрикнули Юкагиры по нѣкопоромъ молчаніи.—Побѣжимъ-те, же други, поскорѣ къ вѣшкамъ. . .

Пыльное облако, съ часа на часъ приближаясь болѣе и болѣе, вмѣстѣ съ шѣмъ разширялось по пустынь. Спустия еще не много времени, можно было уже различать очерпаніе движу-

щейся массы подъ навѣсомъ несшагося надъ нею облака. Попомъ масса спала дѣлилась, и легкія, благородныя формы прекраснѣйшаго живописнаго начали обрисовываться на воздухѣ. Мирное, кропкое, но по наружности гордое и самоувѣренное, оно шло тихими шагами, не совращаясь съ предположеннаго пути ни какими посторонними силами; ни вѣтры, ни бури, ни горы, ни рѣки не въ состояніи были измѣнить прямой линіи, начерпанной для него природою. Шагъ его равномѣрный и тихій долго не измѣнялся; но вдругъ, на дальномъ краю, облако поднялось выше: началось какое-то смятеніе; задніе ряды начали стѣснить передніе, и все безчисленное спало, закинувъ на спину вѣшвыспыя рога, бросилось въ

скакъ , копорому , кромѣ полета
плицъ, едва ли можетъ что уподо-
биться въ быспрогѣ не поспужи-
мой. Глухой гулъ пошелъ по долину
опъ усилившагося попопа, и воздухъ
наполнился неспройнымъ крикомъ ,
всегда извѣщающимъ о нападеніи вра-
га. Несясь, какъ вихрь пустынный,
какъ дыханіе бури, спудо приближа-
лось съ каждымъ мгновеніемъ, и на-
конецъ передовой бросился въ рѣку,
а за нимъ и всѣ прочіе начали ска-
кать съ крушаго берега, какъ бы не
видя, что новыя враги, несравненно
люпѣйшіе прежнихъ, поражали ихъ
ловарищей безъ пощады. Бѣдные слѣп-
цы, рабы инспинкпа, сами попада-
ли на копыя; число пускавшихся въ
рѣку рѣдло съ минушы на мину-
шу, но число бросавшихся въ нее

не уменьшалось, и съ шумомъ расплескивавшаяся рѣка, багровѣя болѣе и болѣе, наконецъ пошекла совершенною кровью. Многіе не перешли чрезъ нее, но еще большее число перешло, и снова пушилось въ таинственный пупъ. Когда же послѣдній олень бросился съ берега: то почти въ слѣдъ за нимъ прибѣжало къ рѣкѣ чудовище, съ окровавленною морлою и раскаленными глазами. Ни Русскіе, ни Юнагиры никогда не видывали подобнаго, и послѣдніе скорѣе могли почесть его за злаго духа; только Судьба могъ объяснить, что невиданный звѣрь былъ барсъ [*]. Оспановившись на крушоярѣ, Барсъ кипѣлъ злобою,

(*) Барсы забѣгаютъ въ Сибирь изъ за границы Кытая, и не рѣдко пробираюшся въ самыя Сѣверныя страны.

и выспавя ряды спрашныхъ зубовъ, казалось, готовъ былъ соскочить въ рѣку для новой битвы. Юкагиры оробѣли и вышли на землю; одинъ Андрей вооруженный винповкою, проворно зарядилъ ее, и—не дорожа ли жизнью, уже опосылѣвшею для него; или желая пробудить жалость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и любовь въ сердце, по мнѣнію его, охладѣвшей къ нему Ольги — Андрей смѣло подѣхалъ къ крупнояру, гдѣ споялъ разъяренный зверь. Онъ направилъ въ него ружье. Смотрѣвшіе съ берега припавши дыханіе, и съ величайшимъ страхомъ ожидали послѣдствій выстрѣла. Ольга и Елизавета были почти внѣ себя: не смотря на запрещеніе Судьбы спавать на подмыльнѣй водою берегъ, они прибѣжали на самый край его. Выстрѣлъъ

грянулъ; звѣрь издалъ ревъ, раздавшійся по пустынѣ; страшный прыжекъ означалъ, что пуля поразила его; но ударъ не былъ еще рѣшительный, и ужасное чудовище, приставъ на заднія лапы, головою было бросясь съ яру на вѣтку Андрея, беспорочно заряжавшаго между тѣмъ свое ружье. „Воропись, воропись, ради Бога!“ — вскричала Ольга вмѣстѣ съ Елизаветою, забывъ и проклятіе мапери и гнѣвъ отца; забывъ все окружающее, кромѣ жизни Андрея, которая сливалась съ ея собственнымъ бытіемъ. Слышалъ ли Андрей эпокъ знакомый, эпокъ милый, давно не слышанный имъ голосъ сердца — не знаю. Еще разъ раздался выстрѣлъ; но въ сіе мгновеніе звѣрь лешлъ уже надъ вѣткою Андрея съ

разверстою паспю съ высопы яра, и Ольга упала безъ памяти на землю. Съ паденіемъ ея берегъ обрушился, и обѣ подруги, скрывшись въ кипѣніи полноводной рѣки, едва показались чрезъ нѣсколько секундъ. Сохранялась ли въ нихъ жизнь, не было замѣтно; только виднѣлось плащье и судорожное всплескиваніе членовъ. Всѣ бывшіе на берегъ пришли въ страшное смятеніе. Варвара Степановна слѣдалась почти безъ чувствъ; Анна Антоновна едва не бросилась сама въ рѣку, и едва Судьба, сохраняющій болѣе всѣхъ присущивіе духа, могъ удержашь ее; Неволя суешился, какъ помѣшанный, а Владиміръ, бѣжавшій въ безпамятствѣ по берегу за уносимою волнами Елизаветою, наконецъ кинулся къ ней на помощь, и

не умѣя плавать, самъ началъ по-
нупъ вмѣстѣ съ нею. Погибель ихъ
была почти неизбежна: ибо хотя
бывшіе на берегѣ Юкагиры и броси-
лись, по крику Судьбы, за ними на
своихъ вѣткахъ; но по, необыкновен-
ной верпльавоспи сихъ береспяныхъ
челноковъ, весьма трудно, почти не
возможно было оказать помощь. Одинъ
Андрей, сильный, проворный и отваж-
ный до опчаянія, одинъ Андрей, оду-
шевляемый небесной силою пламен-
ной спраспи, могъ сдѣлать сіе чудо.
Услышавъ позади себя крикъ и смя-
шеніе, онъ оставилъ звѣря, добываго
имъ при паденіи въ рѣку, и мгновенно
сообразивъ видимое, кинулся за упо-
пающими. Почти ему исключительно
они обязаны были своимъ спасеніемъ.
Послѣ же сего должно ли обвинять пла-

меннаго юношу, что Ольга, драгоценная Ольга, была предметом его особенных спараний? Долго смерть боролась съ жизнью въ ея сердцѣ; наконецъ почти не оставалось ни малѣйшей надежды. „Ахъ Ольга, милая Ольга! — вопилъ опчаянный Андрей съ неизъяснимою горестію — неужели тебя не будетъ болѣе? Нѣтъ! живи, хотя не для меня, но все живи!“ Ольга, въ самомъ дѣлѣ, какъ бы услышала эпитъ сладкій призывъ: внезапный румянецъ заигралъ на ея блѣдныхъ щекахъ, и вскорѣ послѣ сего она открыла глаза. Нѣсколько времени она смотрѣла неподвижно на Андрея, не вѣря своему зрѣнію, и наконецъ спросила его самымъ слабымъ голосомъ:

„Ты ли это, Андрей?“

— Я, я, милая Ольга!

„Такъ ты живъ еще?”

— Живъ

„О мой милый! О мой любезный!”

Она крѣпко обвила руками шею своего прежняго друга и жениха, и уста ихъ слились вмѣстѣ. Никто, ни сама Анна Антоновна, не смѣли опияять у Андрея его драгоценную ночь, и разорвать эшопъ чистый, небесный поцѣлуй. Есть минуты въ жизни, когда умолкаеть все презрѣнное, все низкое земли, и владычествуетъ одна свяшая любовь!

Вскорѣ были приведены въ чувство и Елизавета и Владиміръ, и первыя слова сего послѣдняго были: „Спасена ли она?“

—Кпо? кпо? — съ поропливостію спросила забывавшая хлопотать около него Анна Антоновна.

„Боже мой, кпо! Елизавета!“

Безумная спаруха со злобою опсочила опть Владиміра, какъ обожженная змѣя, и, выхвативъ Ольгу изъ рукъ Андрея, сказала съ запальчивостію ей и мужу: „Пойдемте; нечего здѣсь болѣе мѣшкаць! Развѣ дождатся, чпобы еще кого нибудь Нечистый бросилъ въ эпортъ омуць?“ . . .

— Возьми ее — сказалъ Андрей съ чувствомъ собственнаго достоинства; — но знай, что ты невластна опянь у меня того сердца, которое любило меня съ дѣтства!

Ольга, вырываясь изъ объятий Андрея, залилась слезами, и съ какимъ-то глубокимъ предчувствіемъ произнесла: „Прости, другъ, прости навѣки!“

Андрей долго смотрѣлъ въ слѣдъ отходящаго семейства, и наконецъ сказалъ: „Теперь вижу, покрайней мѣрѣ, что она меня любила. Не получу ее — умру, но умру съ этою сладостною мыслию!“

Родители Андрея радовались спа-

сенію дочери; не безъ внутренняго удовольствія: смотрѣли и на любовь къ ней Владиміра, поль сильно обнаруженную: но еще съ большею гореспію видѣли положеніе Андрея. Варвара Степановна упѣшала его, сама слезно рыдая, а Судьба, спараясь сохранишь присущствіе духа, говорилъ сыну: „ Не надобно упадати душею. Гореспи въ жизни неизбѣжны. Положись на время: оно если не излечитъ ранъ, по крайней мѣрѣ облегчитъ спраданіе. “

Не смотря на сіе наружное равнодушіе, спарикъ начиналъ, однакожь, изнемогать подъ тяжеспію гореспи, и, идучи въ обратный путь, часто, какъ бы пропивъ воли, повпорялъ съ тяжелымъ вздохомъ: „ Никогда моя

ссылка не была мнѣ шакъ тяжела,
какъ пеперь. Проклятая злоба людей!
ны всего ядовитѣе на свѣтѣ!“

Такимъ образомъ оба семейства
оспавили рѣчку. Безымянную. Въ
слѣдъ за ними опспавились и Юка-
тиры съ годовымъ запасомъ оленьего
мяса. Пустыня опять замолкла; шоль-
ко единообразный шумъ рѣки нару-
шалъ ея безмолвіе: эпо кипѣло время
посреди вѣчности, и какъ бы изъ
глубины ея глядѣлъ испыпующимъ
взоромъ шайнспвенный мамонтъ, до
половины выпспавившійся изъ обвалив-
шагося берега.

VII.

По приходѣ домой, Анна Антонова не хопѣла уже болѣе медлить своими распоряженіями вразсужденіи бѣдной Ольги: ибо, въ самомъ дѣлѣ, какихъ же было ждашь ей еще доказательствъ въ любви Владиміра къ

Елизаветъ, послѣ всего ея видѣннаго и слышаннаго? Неволя долженъ былъ поспѣшь посласть письмо съ нарочнымъ къ бывшему Коммисару съ объявленіемъ согласія на его лесное предложеніе. Никпо, вѣрояпно, не перенесъ бы съ большею пвердоспію, какъ Андрей, обиднаго и безумнаго опказа.

— Я ждалъ эпого—говорилъ онъ опцу.— Дѣласть нечего! Такъ угодно Богу!

„И пы не въ опчаяніи?“

— Ныпъ! я предаюсь волю Того, опъ Копораго все зависипъ! . . .

„Прекрасно! Обними меня, другъ мой! — сказалъ со слезами на глазахъ. Судьба. — Теперь я вижу, что мои.

слова не пропали попусту, и чп сердце швое способно къ возвышеннымъ чувспвваніямъ. Такъ, другъ мой, всегда на Него полагайся [Судьба указалъ рукою на небо]: Онъ знаешь, куда ведешь насъ!“

—Но, бапюшка! я хочу просить Васъ. . .

„О чемъ, другъ мой?

—Я перенесу поперю Ольги, сколь сія поперя ни птяжка для меня; но я не могу болѣ здѣсь оспаваться. . .

„Ахъ, Господи!—воскликнула, Варвара Степанова — что пы это говоришь, мой ангель? Неужели пы хочешь бросить насъ съ опцемъ на

старости лѣтъ? Да я и дня не проживу безъ тебя. . . .“

—Я не брошу Васъ, мапушка, потому что вы одни только привязываете меня къ землѣ; но пожалѣйте и меня: могу ли я каждый день видѣть Ольгу, и каждый день, или лучше сказать: каждую минуточку, каждое мгновение, перепазься пою мыслю, что она уже не моя? Нѣтъ! мнѣ необходимо надобно удалиться отсюда, если жизнь моя еще нужна для вашего счастья!

„Но куда же ты можешь удалиться?—спросилъ Судьба.—Это нашъ гробъ, и только труба Ангела можетъ отсюда насъ вызвать!“

— Вопль владычїе Божїе! — отвѣ-

чалъ съ воспорженною душою Андрей, показывая на море. — Тамъ нѣтъ рубежей для преграды несчастному; тамъ никто не можетъ воспрепятствовать вкусить сладкую опраду свободы!... Ахъ! не останавливайте меня; дайте свободу моей душѣ: ей душно на землѣ, на этой землѣ, гдѣ столько горести, столько бѣды! [Слезы побѣжали изъ глазъ Андрея.]

Спарики плакали вмѣстѣ съ нимъ; но не могли опказать въ его просьбѣ: ѣхали съ Шалауровымъ: ибо чувствовали сами, что для него было тяжело останавливаться вблизи Ольги.

Андрей съ нетерпѣніемъ ждалъ, скоро ли придетъ судно Шалаурова, и для этого всякой почти день хо-

диль съ Владиміромъ и Елизавелюю на Барановъ камень.

По объясненіи политической системы Анны Антоновны, Владиміръ наслаждался величайшимъ блаженствомъ, какое только можетъ быть на землѣ: полною любовію милого существа и вѣрною надеждою обладать имъ; ибо сомнѣнія, возмущавшія его спокойствіе, исчезли въ душѣ Елизавелы, и родители ея, на сдѣланное со стороны Владиміра предложеніе, хотя не дали ни какого рѣшишельнаго отвѣта до пріѣзда Шалаурова, но не изъявили и явнаго нежеланія. . . . Ахъ! это время—время любви сладостной, мечтательной, небесной; ни на минушку не останавливающейся въ настоящемъ, но парящей безпрестанно за надежда-

ми, за упованіями въ будущемъ, споль прекрасномъ, споль обольспипельномъ—эшо время еспь . . . но чпо говорю я: еспь? . . . Для опредѣленія эшого времени еще не придумано словъ на языкѣ человѣческомъ! Крапкое, мимо-лепное, мгновенное—оно соспавляетъ между пѣмъ нашу жизнь: ибо за предѣлами его человѣкъ уже не живешъ, но, подобно успалому пупешественику, пащипся по необходимости, чпобы гдѣ нибудь сложипъ свою ношу. Можешъ бышъ, любовь земная еспь мерцаніе шой божеспивенной любви, копорая нѣкогда примешъ и насъ на свое лоно; шочно пакже, какъ и свѣшъ здѣшній еспь шолько мерцаніе вѣчнаго свѣша, испекающаго опъ Опца свѣшовъ!

Владиміръ и Елизавета, оба вѣжные, оба мечпашельные, не жили на землѣ; души ихъ лепѣли пуда, куда капились синія волны, куда улетади вѣпры, и гдѣ звѣзды спранспвовали по вѣчному океану. Любовь и поэзія неразлучны: блаженство любви есть игра мечты. Какими прекрасными красками она разрисовывает будущее для нашихъ юныхъ любовниковъ! Какъ очаровательну предсавляла она жизнь — исполненную воспорговъ, радостей, счастья! Какъ все успроивалось впереди по желанію, по спребованію ихъ души, жаждавшей блаженства и любви!

Однажды, упоая въ счастье и лепая за подобными мечпами, любовники вдругъ были оспановлены го-

лосомъ Андрея, съ дикою радостію
вскричавшимъ: „Корабль! Корабль!“
Холодъ пробѣжалъ по ихъ жиламъ;
очарованіе исчезло: ибо предспавилась
душѣ разлука — мучительная и гро-
зная.

„И такъ—сказала Елизавета, едва
удерживая слезы—мы должны скоро
распавься! . . .“

— Съ тѣмъ, чтобы увидив-
шись попомъ, уже не распавься
болѣе.

„Но если мы болѣе уже не
увидимся?“

—Для чего жъ, мой другъ, опчая-
васься? Опець мой много лѣтъ знакомъ

5*

съ моремъ и умѣетъ отвратить опа-
сность, . . .

„Дай Богъ, чтобы такъ было!
Но я сама не знаю, отъ чего сердце
такъ трепещетъ во мнѣ; кажет-
ся, каждый шагъ этого корабля при-
ближаетъ мою гибель. . . .

— Это малодушіе, слабость. . .

„Знаю, что слабость; но холодъ
невольно льется по жиламъ; сердце
замираетъ. . . .

— Успокойся, милая! Надѣйся на
Бога. . . .

„О Боже! пошли спокойствіе моей
душѣ, и не дай, чтобы эта ужасная

боязнь была печальнымъ предчувствіемъ моего сердца! . . . Ахъ, милый Владиміръ! Если ты не возвратишься — я не переживу этого! Я чувствую, я вижу, что безъ тебя жить не могу: не будетъ тебя—и меня не будетъ на землѣ!“

—О мой милый Ангелъ!—воскликнулъ Владиміръ, заключивши Елизавету въ свои объятія.

Бѣдный и добрый Андрей радовался счастію своей сесстры; но не могъ быть веселымъ зрителемъ описанной сцены: ибо она вдругъ разшевелила смертельные раны его сердца. Горько рыдая, онъ началъ спускаться съ горы. Въ слѣдъ за нимъ поспѣшилъ и Владиміръ, потому что

корабль уже приближался къ берегу.

Свиданіе Шалаурова съ сыномъ было прогашельно: ибо, какъ мы сказали уже выше, онъ любилъ его горячо. По той же причинѣ Шалауровъ ни сколько не препяпспвоваѣ намѣренію Владиміра женипсья на Елизаветѣ, пѣмъ болѣе, что и самъ полюбилъ ее и припомъ душевно уважалъ ея опца.

Раздѣляя съ искреннимъ учапсіемъ гореспь Судьбы и жены его о несчастіи Андрея, Шалауровъ, хотѣлъ было уговорипь Анну Анпоновну; но *сладитъ съ дуракомъ, скажите, кто умѣлъ?* [*]. Анна Анпоновна ппаккой подняла крикъ, что даже, гово-

(*) Панкрапій Сумароковъ.

ряпть, гуси, плававшіе около берега, спорхнули на воздухъ; шюлени побросались въ море, и кишть, кинувшись со спраха опть берега, разшибъ на бѣгу ледяную гору. Последняго не выдаютъ за испину.

Наспалъ наконецъ день оптъѣзда. Елизавета, по шайному ли предчувствію сердца, или по обычному дѣйствію пламенной спраспи, была почпи въ опчаяніи и долго, долго не хопѣла выпуститъ Владиміра изъ своихъ объашій. Владиміръ также былъ въ величайшей гореспи, и также не хопѣлъ, казалось, опорваться опть любящаго сердца. Тяжко было и родишелямъ разлучать ихъ, а бѣдный Андрей! . . . Ахъ! его положеніе было еще прогашельнѣе! Одинокой, печаль-

ной, онъ напрасно бродилъ около хижины своей любезной: никто не сказалъ ему дружескаго прости; никто, даже знакомъ, не изъявилъ ему сердечнаго участія. Жестокосердая Анна Антоновна сама наблюдала въ это время за Ольгою. . . . О какъ бывають злы старые люди къ молодымъ любовникамъ! Что ни говорите, а эта злость не есть одно дѣйствіе зависти, но самый мудреный инстинктъ природы! . . . Долго ожидалъ Андрей, не взглянетъ ли Ольга въ окошко; хотя не мелькнетъ ли передъ нимъ: ожиданія его были напрасны! Наконецъ кровь закипѣла въ немъ; душа возмутилась — и онъ рѣшился проститься съ Ольгою во что бы то ни стало. Приходъ его поразилъ изумленіемъ семейство Неволы. Ольга, сидѣвшая въ горести и въ

безмолвіи, не повѣрила своимъ глазамъ, и вздрогнувъ оспалась въ состояніи смященія; Неволья, любя спрастно дочь, совершенно расперялся въ сію минуцу; даже сама Анна Анпоновна, вспревоженная неожиданнымъ явленіемъ Андрея, не могла въ скороспи собраться съ духомъ. Между тѣмъ Андрей, не обращая вниманія ни на Неволью, ни на ея жену, съ благородною пвердоспію, подошелъ къ Ольгѣ, и взявъ ея руку, сказалъ: „Я пришелъ съ тобой проспиться. Тебя опнимаюпъ у меня—и я не могу долѣ оспаваться въ этомъ мѣспѣ; сердце говоритъ мнѣ, что я уже не возвращусь сюда: прощай же, другъ мой, прощай навсегда!“

Ольга не могла ничего сказать:

опчаяніе изсушило ея слезы; сердце ея замерло; языкъ не произносилъ ни какого звука. Андрей запечатлѣлъ на ея губахъ прощальный поцѣлуй. Не будучи въ силахъ ни пропившись ему, ни раздѣляя ея чувствованій, полумертвая Ольга могла только сказать: „Боже! что со мною?—и упала безъ чувствъ. Андрей, смятенный, опчаянный, машинально опустилъ ее на лавку, и выбѣжалъ изъ хижины. Корабль уже ожидалъ его.

Прощаясь съ родителями, Андрей не помнилъ себя; только горячія слезы матери могли облегчить его тяжкую горькую боль. Прижавшись къ ея груди, онъ зарыдалъ горько: это рыданіе было ужасно; вопль его раздиралъ душу самыхъ нечувствительныхъ зрителей.... Да, лю-

Бовь между дѣтьми и родителями
есть священный узелъ природы, вѣчно
неразрѣшимый, вѣчно крѣпкій; союзъ,
оспающійся неприкосновеннымъ и въ
то время, когда разрывающа всѣ про-
чія привязанности; свѣплый фаросъ во
дни бурь и бѣдспвій; тихое прибѣжище
для сердца, жаждущаго успокоенія! Толь-
ко на груди матери можемъ мы найти
любовь, никогда не измѣняющуюся, чи-
стую, какъ небо; и живописную, какъ
солнце. Если мать плачетъ, кто не по-
вѣритъ искренности ея слезъ? Жалокъ
попъ, кто не могъ, и горе тому, кто не
умѣлъ пользоваться ея любовію!

На лонѣ матери душа Андрея успо-
коилась. Прощаніе ихъ было безмолвно:
сердце, а не языкъ произнесло ему
благословіе.

Ударилъ попушный вѣтръ; ко-
рабль поднялъ паруса, и быспро по-
несся на встрѣчу льдамъ. Долго смо-
трѣли мать на сына, невѣста на
жениха. Скоро милые лики спали мѣ-
шались съ синевою воздуха, и поль-
ко лебединья крылья корабля бѣлѣ-
ли, подъ конецъ, въ опдаленности
моря.

VIII.

Какъ быспро печать время! Все
кажется мнѣ, что я еще не начи-
наль жить, а могу уже считатьъ ми-
нувшіе годы десятками! Напримѣръ:
будно теперь вижу еще предъ глаза-
ми, а между тѣмъ прошло уже мно-

го, много лѣтъ, какъ, бывало, сидя на теплой лежанкѣ, мой покойный дѣдъ, восьмидесятилѣтней, слѣпой спарикъ, рассказывалъ мнѣ по вечерамъ похождения своей молодости. Не важной, не богатой былъ онъ человекъ; не болѣе, какъ бѣдный Штурманъ на Охотскомъ морѣ; но, обращаясь назадъ при концѣ жизни, и незначайшій Штурманъ съ тѣмъ же по сладкимъ, по горькимъ чувствованіемъ кидаетъ взоръ на минувшія событія, какъ и величайшій изъ Царей. Впрочемъ, чья же жизнь можетъ быть болѣе исполнена разныхъ приключеній, если не жильца самой непосредственной, и, подлинно сказавъ, въпренной спихим? Не безъ хлопотъ однако жъ было у моего дѣда и на сушѣ. Для утѣренія довольно, кажется, сказавъ поль-

ко объ одномъ слѣдующемъ случаѣ. Однажды былъ онъ командированъ изъ Охотска въ Пепербургъ, и едва только пріѣхалъ шуда, проѣхавъ не тысячу, не двѣ, но *десять тысячъ* верстъ, какъ чрезъ недѣлю долженъ былъ снова ѣхать въ Нижне-Колымскъ, для оппавленія съ Шалауровымъ. Двумя только днями опоздалъ онъ, и—Шалауровъ былъ уже въ морѣ: эти два дня сохранили ему нѣсколько десяпковъ жизни, а иначе онъ не могъ бы уже, сидя на лежанкѣ, какъ я сказалъ, повѣспвовавъ мнѣ о томъ, что хочу я разсказать въ этой главѣ.

Не одинъ разъ, по распоряженію Правительсва, былъ опыскиваемъ пушъ къ Воспоку оппъ успья Колымы, по слѣдамъ Козака Дешнева; но,

по неизъяснимой причинѣ, причудливое море, пропусшивъ сего удалца между своихъ вѣчныхъ льдовъ, потомъ заперло ходъ, и отважный мореплавецъ не могъ болѣе проникнуть въ его неизмѣримыя полосы. Шалаурова не остановилъ опытъ прежнихъ льдовъ. Влекомый, безъ всякаго посторонняго побужденія, однимъ своимъ беспокойнымъ гениемъ, чудный купецъ рѣшился привезти въ исполненіе то, чего не могло сдѣлать само Правительство при всѣхъ своихъ безчисленныхъ средствахъ. Дорого заплатилъ бѣднякъ за сію благородную отважность; но подобныя души, и при всѣхъ своихъ несчастіяхъ, являющія въ дали времени, какъ прекрасные свѣпильники, освѣщающіе унылую темноту обыкновенной жизни!

Около недѣли плаваніе Шалаурова было удачно; льды хопя и встрѣчались, но не заграждали пупи, и оспорожный пловець пробирался между ними безъ особенной опасноспи. Чѣмъ же далѣе корабль проходилъ къ Воспоку, тѣмъ болѣе требовалось и бдительноспи и усилій: ибо льды увеличивались съ каждымъ днемъ; разливались непроницаемые туманы, и по ночамъ начинали леденѣть мачты и снаспи, хопя былъ еще Іюль мѣсяць. Многие изъ опытныхъ мапросовъ совѣщывали Шалаурову возвратиться назадъ, справедливо предсказывая, что зима можетъ внезапно заспать и заморозить корабль среди моря; но предприимчивой, можно сказать, даже спрастивый къ своему предвріянію чудаць не могъ примирить-

ся съ мыслию о не успѣхѣ; душа его не была въ силахъ покориться мучительной необходимости, и, не смотря ни на что, опважный не хотѣлъ опказаться опъ своего намѣренія. Вскорѣ, однакожъ, опытная предусмопрительность сказаннаго со-вѣта начала оправдываться. Едва прошло послѣ сего дня два, какъ корабль почти пересталъ подвигаться впередъ: льды его окружили со всѣхъ сторонъ, и надлежало заботиться уже не о нупешествіи, но только о сохраненіи кррабля.

Въ одинъ день, въ концѣ Іюля, съ ранняго ушра покрылся корабль спрашнымъ туманомъ: не спало видно ни неба, ни моря; самыя верхи мачтъ исчезли въ дыму, и на самомъ

близкомъ разспояніи едва могли плаваши узнавать другъ друга. Ни какими средствами не лзя было угадать, что ожидало впереди несчастный корабль. Одинъ, посреди океана, покрышаго мглою безъ малѣйшей надежды на чуждую помощь, невольникъ въпра и волнъ, онъ казалось, чувствовалъ свое ужасное положеніе: крѣпкіе члены его спонали, переваливаясь чрезъ волны, и сей унылый, единообразный спонъ, посреди глубокой тишины шуманнаго океана, наводилъ невольный пренецъ на самыя швердыя сердца... И вдругъ страшный шумъ, подобный ропшу неизмѣримыхъ лѣсовъ, поразилъ слухъ мореплавателей. Безполезное смяшеніе распроспранилось на корабль, но ни какой мѣры придумать было не-

возможно. Ужасный гулъ приближающихся льдов спазновился сильнѣе и сильнѣе. Самые отважные плавашии устрашились: ибо шла смерть, неодолимая ни какими человѣческими силами. Скоро громады льда обспали корабль опвсюда. Въ какую спорону ни оборачивала его искусная рука кормчаго, опасность вездѣ была одинакова. Лдины, какъ грозные неприятели, нагирали на корабль, и, вѣрно, раздавили бы его, какъ щепку, своею спрашною массою, если бы, по счастью, въспрь не подулъ съ другой спороны. Обрадованные мореходцы воспользовались со вѣмь искусствомъ сею счастливою переменною, и успѣли пробраться къ берегу; но положеніе ихъ не едѣлалось опъ сего безопаснѣе. Около береговъ море было запружено мно-

жестивомъ мелкаго льда. Новымъ вѣ-
промъ понесло его въ море, а съ нимъ
и корабль попащило оупъ берега, сор-
вавъ съ якорей, и не смопря на всѣ
усилія опчаянныхъ пловцовъ. Дѣй-
ствію вѣтра способствовало и пѣче-
ніе моря: корабль спремился какъ бы
по не преложному мановенію люпаго
рока, и ни что не могло удержашъ
его въ эпомъ гибельномъ спремени.
Опяпъ спрашныя громады начали спѣ-
снипъся около бѣдной жерпвы; ни
мольбы, ни усилія, ни люди, ни Про-
видѣніе, не помогали пропивъ чудныхъ
враговъ. Смяшеніе, вопли опчаянія и
крики неуспрашимоспи раздавались
на корабль, а не умолимая судьба про-
должало свое дѣло: грозные льды спѣ-
снялись болѣе и болѣе, и наконецъ
опшесюда окружили бѣдныхъ пловцовъ.

За гибельнымъ днемъ послѣдовала еще гибельнѣйшая ночь: морозъ скрѣпилъ поверхность моря, и льды, какъ бы заключивъ между собою адской союзъ, спали неподвижно вокругъ корабля, и, казалось, съ презрѣніемъ смотрѣли на его щепетныя усилія. Ни какая человѣческая воля не могла подвинуть его ни на одну пядень, и сколько же было невозможно, бросивъ его на жертву, выйти изъ этой льдисной могилы: ибо льды спояли страшными скалами, въ двадцать разъ превышавшими самую большую мачту.

Извѣстно, что надежда не вдругъ погасаетъ въ сердце несчастливца: подобно гаснущему свѣщильнику, она то меркнетъ, то снова вспыхиваетъ, пока не оставитъ сердца въ смерти.

номъ мракъ опчаянія. Такъ и наши спранники не видѣли спасенія, но жили нѣсколько дней надеждою: авось подуетъ добрый вѣтеръ, и ледяныя горы раздадутся въ спорону — говорили они, утѣшая другъ друга. Но вѣтеръ желанный не приходилъ, и горы спояли по прежнему, и съ каждымъ днемъ надежда попухала въ самыхъ опважныхъ сердцахъ! Были, однакожь, часы, когда смертельная тоска, перзавшая ихъ, оплелала: это было время сна, или, лучше скажешь, забвенія упомянутой природы. Въ сіи волшебные часы обольстительныя видѣнія — игра ли благодарнаго генія, или дѣйствіе злобнаго духа — переносили души спрадальцовъ въ лучшія спраны, гдѣ жили ихъ друзья, родные, гдѣ скрывалось

все милое сердцу. Владиміръ видѣлъ свою Елизавету, спраспно прижимающуюся къ его груди; Андрей жилъ со своею милою Ольгою въ дѣпахъ дѣпепва; Шалауровъ черпилъ новые планы, новые проэкпы, леспные для его славолюбивой души; послѣдній изъ мапэровъ видѣлъ по, что для него мило и драгоцѣнно — или своего опца, или мапъ, или жену, или дѣпей, или брапъевъ. Вѣроломный сонъ лепалъ, какъ жеспокосердый чародѣй, надъ спящимъ кораблемъ, и усугублялъ ужасъ пробужденія. Можно ли описать, съ какимъ смерпнымъ препепомъ вырывались души изъ родныхъ, сладоспныхъ, хопя и мечпапельныхъ обьяпій, чтобы вдругъ вспомнишь гибельную сущеспвенность?

Накоонецъ надежда исчезла, и новое люпѣйшее зло начало угрожать пловцамъ: голодъ. Напрасно Шалауровъ спарался уменьшить порціи: вмѣсто полной, выдавали сперва половину, потомъ четверть; но это только продолжило бѣду на нѣсколько лишнихъ дней, а не отвратило ее. Все, что можно было употребить въ пищу — все было употреблено; самыя необходимыя вещи, но сколько нибудь способныя для уполенія спрашной алчбы, были испреблены и пожраны; насталь, наконецъ, гибельной день совершеннаго голода. . . О! лучше бы не рождался онъ изъ вѣчности, и легче было бы, если бъ вѣчная ночь покрыла бѣдныхъ мучениковъ! . . . Блѣдные, какъ пѣни, они бродили безъ самопознанія, безъ размышленія; одна

мысль, одно желаніе, какъ черная точка, посреди мглы, заключалась въ душѣ: это было желаніе смертельное, пожирающее и неудовлестворимое — желаніе облегчить голодь. Дѣйствіе его на души было адское: въ нихъ исчезло все прекрасное, все небесное, все, чѣмъ возвышается человекъ надъ прочими тварями, его окружающими. Нравственное зданіе рухнуло подъ гнетомъ бѣды, и если бы въ сію минушу могъ бытъ здѣсь хладнокровный мыслипель: для него развернулась бы новая цѣль неразрѣшимыхъ вопросовъ. Спрашные переходы чувствованій мрачныхъ, какъ адская ночь, и злобныхъ, какъ мать, пожирающая дѣтей, обозначались на сверкающихъ глазахъ приходившихъ въ испугленіе и бѣшенство спрадальцевъ. Ужа-

сны были ихъ взоры, кидаемые другъ на друга, и адскія слова появлялись невольно на померивѣлыхъ устахъ. Не много было такихъ кои сохранили еще свящую силу души: Шалауровъ, Владиміръ, Андрей, еще два при человѣка, опличившіеся прежде хопя и не глубокою, но ревностною вѣрою; прочіе рѣшительно превратились въ звѣрей—кровожадныхъ звѣрей, гоповыхъ каждую минуту расперзавъ другъ друга.

— Не доколѣ намъ мучишься!—говорили съ неистовствомъ сіи несчастные, присшупивъ къ Шалаурову.—Хопимъ мы бросимъ жребій: кому выпадетъ, хопъ и будетъ намъ вдою. И ты, и сынъ твой, и сынъ Судбы, всѣ должны итти на жребій,

другіе не болѣе виноваты, и если скажутъ правду: такъ ты всему злу причиною; съ себя бы перваго начать надобно!

„И начинайте съ меня!—оповѣчалъ съ свѣрдоспїю Шалауровъ. — Точно я одинъ виновникъ вашей гибели: я первый и пашь долженъ!

— Никогда не допущу я до того! — воскликнулъ Владиміръ, оподвигая рукою бѣшенную толпу. — Если вы хопите уполишь проклятую пищу вамъ звѣрской голодь: рѣжьте меня; я гошовъ!

„Нѣтъ, ни ты, ни онъ, но я долженъ умереть первый!—вскричалъ Андрей. — Если Провидѣніе спасетъ

васъ опть гибели: будь, Владимиръ, сыномъ моего опца; утѣшай его на спароспи; замѣни для мащери моей потерю бѣднаго ея сына! . . .

— О милыя дѣщи! — прервалъ Шалауръ, заливаясь слезами и прижавъ ихъ обоихъ къ своей груди — я, несчастный, погубилъ васъ: дайте мнѣ умереть за всѣхъ. . . умереть и за себя, мое Опечесство, которое я такъ любилъ, такъ безумно любилъ! . . .

„ Никогда, никогда не будете этого! — воскликнули въ одинъ голосъ Владимиръ и Андрей. — Или мы всѣ прое погибнемъ, или вы будете жить! . . .

— Подумайте, брашцы — сказалъ намъ знакомый мащпросъ своимъ шо-

варищамъ—что вы хопите дѣлать: продашь душу дьяволу! По мнѣ лучше погибнуть Христіаниномъ, нежели жить бусурманомъ! Хопь бы и удалось еще спастись вамъ: по все же много ли приведется пожить на здѣшнемъ свѣтѣ, а съ того-то, брашцы, поворопа назадъ ужъ нѣтъ: куда угодилъ, шамъ и будешь сидѣть во вѣки вѣковъ! Подумайте; не губите душъ своихъ!

„Такъ что же намъ дѣлать?

— Когда Богъ судилъ намъ умереть—умремъ Христіанами, какъ подобаетъ Русскому человѣку!

—Обними меня, умный и добрый

Степанъ! — воскликнулъ Шалауровъ. —
Теперь только я узнаю себя. . . .

— Да, помилуйте! это всякой Русской, если не забылъ Бога, также скажетъ: кому захочется мучиться вѣчно въ шаршаръ?

„Слушайте его, друзья мои! — сказалъ Шалауровъ, обращаясь къ мапросамъ. — Мнѣ не жаль себя: смерть наша неизбежна, и ускоривъ ее, вы сдѣлаете мнѣ еще добро; но я скажу вамъ истинно: жаль вашей вѣчной пагубы!

Между тѣмъ минувшее изступленіе разъяренной толпы прошло; слабость смертная заступила ее мѣсто, и, несчастные, погружаясь въ

забвеніе, издали на корабельное деко другъ за другомъ. Видѣлъ Шалауровъ и смерть сына, и смерть Андрея, видѣлъ и — не плакалъ: сердце его окаменѣло! Корабль былъ уже не обипель живыхъ, но огромная могила, печальное кладбище, на копоромъ блуждалъ владѣлецъ его, какъ привидѣніе. Наконецъ пробилъ и его часъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ оперся на плечо единственнаго своего поварина, вѣрнаго Степана, и сказалъ поспешенно ослабѣвающимъ голосомъ: „Богъ видитъ, что я гнался не за корыстью; желалъ, можетъ быть, безумно, но желалъ блага моему Опеческу. . . . Просни мнѣ, Создатель, что я не умѣлъ соразмѣрить моихъ средствъ. . . . опусти мнѣ этихъ многихъ, погибшихъ опъ меня. . . . просни мнѣ смерть

эпихъ бѣдныхъ юношей, увядшихъ
подъ моею рукою на самомъ цвѣтѣ
лѣтѣ... и да будетъ спрдааніе не пѣ-
ла, но души, смертельное спрдааніе ду-
ши моею, замѣною вѣчныхъ мученій!...
Проспи, о свѣтѣ!... О опечесиво!...
О Боже!...

Обезсилѣвъ, онъ повалился на по-
мосѣ корабля, и добрый Спепанъ,
закрывъ дрожащею рукою глаза эпига
необыкновеннаго человѣка, и самъ при-
готовился къ смерти.

IX.

Много ли времени: мѣсяць? а для
человѣка, сущеспвующаго подь вліяні-
емъ безчисленныхъ бѣдъ, иногда одинъ
мѣсяць..... одинъ часъ бываетъ вѣкомъ!
Съ величайшей высоты счастія и
блаженства падаютъ; лишаются всего

милаго, всего любезнаго сердцу; прощаюся съ самыми вѣрными надеждами; изъ богачей дѣлаюся нищими, изъ Царей рабами—и на все это нужно иногда бывать не болѣе.... какъ часъ! Я не хочу говорить уже о смерти: ибо одного мгновенія доспапочно, чтобы разорвать эту чудную цѣпь многихъ печалей и рѣдкихъ радостей, копорую мы называемъ жизнью.

Мы видѣли въ предъидущей главѣ, сколь много совершилось, по опъздѣ опъ Баранова камня, съ несчастнымъ Шалауровымъ и его спутниками—и это совершилось почти не болѣе, какъ въ печеніе мѣсяца. Съ знакомыми его и нашими пустынными семейспвами также было не безъ перемѣнъ, въ продолженіе сего времени.

Начинается съ того, что Анна Анпоновна, къ великому стыду и неописанной досадѣ [*], получила письмо изъ Средне-Колымска, что вожделѣнный ея зяпъ, Спиридонъ Ефремычъ, по опрѣшеніи опть должности, началъ придерживаться чарочки, и, съ позволенія сказапъ, уже и лыкомъ не вяжетъ—какъ было выражено въ письмѣ. Попомъ, съ другимъ пріѣзжимъ, Судьба получилъ кувертъ изъ Пепербурга. Анна Анпоновна, увидѣвъ его въ рукахъ ѣздока, по ошибкѣ заѣхавшаго въ хижину Неволы, сдѣлалась одержима духомъ величайшаго любопытства, вертѣла кувертъ на всѣ спороны, даже гопова была, въ припадкѣ неперпѣнія, сорвапъ печать и уже заносила руку, шакъ что пріѣзжіи едва успѣли оспановипъ обезу-

(*) Панкратій Сумароковъ.

мѣвшую спаруху; тогда, со злобою и гнѣвомъ, бросивъ кувертъ на сполъ, она излила ярость свою на мужа [что съ бѣдными мужьями бываетъ нерѣдко; безъ вины виноваты!]: „Вопъ видишь ли—кричала Анна Анпоновна, колопя кулакомъ по сполу—каковъ дружокъ - по швой? Давно тебѣ говорила, безумному: не вѣрь этому—проспи, Господи!—чорішу. Гдѣ ты? Жена, вѣдь все вздоръ мелепъ: шолько судьба уменъ да хорошъ! Вопъ тебѣ и Судьба! Вопъ тебѣ, и спарой другъ лучше новыхъ двухъ! Знашь, себя-то выгородилъ, мошенникъ а ты и купайся вѣчно въ бѣдѣ; сиди уморя да жди погоды!... Однако не докудова мнѣ перипъ: полно! Оспавайся здѣсь, опецъ, когда не умѣешь спараться о себѣ, а я вѣдь несмысленная; не вѣчно же мнѣ скипаться въ

*

эпомъ дьявольскомъ пуспоплесѣ. Живи въ немъ кпо хочепъ, а меня ни-кпо удержашь не можепъ; возьму дочь, да дойду сама до ГОСУДАРЫНИ; мнѣ бо-лпсья не чего; бойся попѣ, у кого не чиспа совѣспь, а у меня, слава Богу, она чиспа, какъ спекло.... Ужъ если же я доберусь до Петербурга, шо опишу же пвоего дружка; ужъ я же его выведу на свѣжую воду; ужъ я же его.

—Поздравляю тебѣ, другъ мой!—сказалъ вошедшій въ домикъ Неволи Судьба.—Ты свободенъ; тебѣ возвраще-ны и чины и имѣніе.

„Что, что такое, бапюшка?—про-ворчала разъяренная спаруха, не могли еще придти въ себя.—Знашь, смѣлпсь-ся пришелъ надъ нами!

— Спыдно тебѣ, Анна Анпоновна, еще не знашь меня, опвѣчалъ съ важностию Судьба.—Я пришелъ не смѣяшся надъ вами, а обрадовашь Васъ: вопшь письмо; чишайше!

„Другъ мой, вѣрный и истинный другъ!—воскликнулъ Неволя, по прочпеніи письма залившись слезами, и бросаясь обнимать колѣна Судьбы.— Проспишь ли шы насъ? Мы, безумные, оскорбили шебя, погубили швоего сына, а шы спасаешь насъ опть започенія, опть гибели! . . .

— Бапюшка ! Опецъ родной! — вопила Анна Анпоновна, всхлипывая опть слезъ.—Проспишь ли шы меня, окаянную? Я всему злу причиною. . .

— Переспаньше, друзья мои! — говорилъ Судьба, поднимая Неволю. — Забудемъ прошедшее: оно уже кануло въ вѣчность; только увѣрьшесь въ моей любви къ вамъ; не считайше меня способнымъ думать объ одномъ себѣ! Вы видите, что не сполько о себѣ, какъ о васъ я заботился. . . .

„Видимъ, все видимъ теперь—говорили въ одинъ голосъ и Неволя и жена его—и свою доброту и свое безуміе! . . .“

— Переспанемъ, переспанемъ вспоминашь объ эпомъ; и будемъ лучше наслаждашья наспоющимъ. . . Вотъ, другъ мой, наконецъ бѣдствія наши окончились. . . Ахъ! если бы былъ здѣсь мой Андрей, какъ бы онъ радъ былъ!

И Его ГОСУДАРЫНЯ не забыла по своему милосердію: онъ опредѣленъ въ Гвардію. . .

— Слава Богу! Слава Богу!—говорила Анна Антоновна, горя, какъ зарево, опть спыда и раскаянія.

„Пойдемте же ко мнѣ—сказалъ Судьба—и всѣ вкупѣ раздѣлимъ нашу общую радость, какъ, бывало, прежде раздѣляли общее горе. . . Надобно послапъ между пѣмъ за Елизаветю и Олинъкою; они, кажешся, на горѣ. . .

Но въ сію минупу Ольга распворила двери, покрытая смерпельною блѣдноспію, и въ спрашномъ изнеможеніи упавъ на полъ, могла только произнести: „Помогите, помогите ей!

— Чшо, чшо шакое сдѣлалось? —
вскричали въ одинъ голосъ всѣ нахо-
дившіеся въ хижинѣ, бывъ поражены
изумленіемъ и ужасомъ.

„Она умираетъ. . . .“

— Кшо?

„Елизавета. . .“

— Гдѣ она?

— Мы шли къ рѣчкѣ. . .

Судьба не распрашивая болѣе, опро-
мешью кинулся изъ хижины; Неволя
побѣжалъ за нимъ слѣдомъ; Анна Ан-
поновна оспалась съ Ольгою.

Не смотря на всю свою пвердоспъ,
Судьба едва самъ не лишился чувспвъ,
найдя дочь свою почти умершую. . . .
единспвенную дочь, кошпору и по
сходспву харакперовъ и по возвышен-
носпи ума и по прекраснымъ каче-
спвамъ сердца, онъ любилъ болѣе са-
маю себя; любилъ, какъ упѣшеніе въ
печали, какъ послѣднюю радоспъ въ
спароспи. Но чувспвованіе ужаса было
осдаблено чувспвованіемъ изумленія:
подлѣ умирающей Елизаветы сидѣлъ
спарикъ изнеможенный и покрыпный
запекшеюся кровію.“

„Кто ты, несчастный?—спросилъ
его опчаяннымъ голосомъ Судьба. —
Или ты убійца моей дочери?“

„Нѣтъ, Григорій Пепровичъ!—оп-

вѣчалъ спарикъ. — Боже, сохрани меня
опть эшого! Вы не узнали меня: я
мапросъ Слепанъ, который прѣзжалъ
къ вамъ съ Никиною Андреечемъ. . . .

— Боже мой! что это все зна-
чиптъ? Гдѣ же Никипа Андреевичъ? Гдѣ
мой сынъ? Опть чего одинъ дшъ очу-
тился здѣсь?

Не спрашивайте меня, Григорій
Петровичъ! Не радостную вѣсть при-
несъ я вамъ!

„Говори, говори скорѣе. . . или
нѣтъ, погоди; дай мнѣ собратъся съ
духомъ. . . Великій Боже! еще ли не
окончилось мое испытаніе въ сей жи-
зни?

„Бѣда, бѣда, Григорій Пепровичъ!
Всѣ погибли

— И сынъ мой ?

„Всѣ, всѣ!

— Боже! Боже! — воскликнулъ Судьба,
закрывъ руками лице.

„Что спанешь дѣлашь? — говоришь мапрось, едва переводя духъ опъ изнеможенія, и примѣпно слабѣя съ каждымъ словомъ. — Что спанешь дѣлашь? Такая планида пришла! Я говорилъ Никипѣ Андреевичу: не заперло бы льдами! Такъ и случилось! . . Сперва кое-какъ бились; все надѣялись: авось, авось либо Богъ вынесетъ. . . Ахъ, Русское сердце нескоро унываетъ, ро-

димый! . . . Но глядимъ, поглядимъ: спасенья все нѣтъ, какъ нѣтъ! А между пѣмъ провіантъ весь изошелъ; наступилъ голодъ; что день, то хуже; пришла бѣда неминуемая! Всѣхъ, какъ варомъ поварило, кормилецъ! . . . Не повѣришь, Григорій Пепровичъ, не хопѣлось опспавать отъ поварищей: лучше меня, думалъ я, умерли, люди здоровенные, молодые, могучіе, а я что? Да нѣтъ! . . . Знаешь Богу угодно было, чпобы я припащился къ вамъ съ эпой горькой вѣспочкой.... Вдругъ ударила буря; разломало льды, какъ гнилую оградину, и корабль, какъ спрѣлу помчало къ берегу; перекинуло чрезъ банку, и носомъ упкнуло въ песокъ... Тупъ, откуда ни взялись проклятые Чукчи; все ограбили, все упацили до послѣдняго гвоздочка, а меня избив-

ши, бросили, окаянные, полумертваго на берегу. . . . Самъ не знаю я, какъ Господь далъ мнѣ силы допашисья сюда. . . . Но вижу, что я уже не жилецъ! . . . Языкъ примерзаеть ко рту. . . . Глаза темнѣютъ. . . . Опслужилъ я службу Царскую! . . . Не хотѣлось бы умереть безъ покаянія, на пуспоплесѣ, но дѣлашь нечего, когда Богъ привелъ. . . . “

Слушая и ничего не слыша, Судьба споялъ въ какомъ-то забышьи, надъ пѣломъ дочери; казалось, ни какая мысль, ни какое чувство непробуждалось въ душѣ его: все сущесвенное превратилось въ неспройный, безпокойный сонъ; все видимое слилось въ мупной, неопредѣленный шуманъ, гдѣ блуждали воздушные при-

зраки, безъ очерпання, безъ образовъ. Почпи всегда таково бываешъ сильное дѣйствіе горести: это мило-сердіе и премудрость природы.

— Григорій Пепровичъ! — сказалъ подошедшій въ сіе время Неволя — поспѣшимъ — иде домой; возьми же на руки Елизавету Григорьевну, а я попащу какъ нибудь этого бѣдняка....

„Боже мой! Боже мой! — восклицалъ Судьба, какъ бы безъ самочувствования поднимая на руки Елизавету, почпи по насильному побужденію Неволи. — Чпо я дѣлаю? Чпо со мною дѣлаешся?“

По принесеніи домой Елизаветы, масть ея хоня была поражена горестію

безпредѣльною, перейдя вдругъ опть самыхъ сладкихъ надеждъ, опть самыхъ пріятныхъ, радоспныхъ мечпаній въ глубочайшую бездну золь; но, забывая сама себя, думала полько о спасеніи дочери, и упопробляла все, что полько могла и знала, дабы спасти ее. Дѣйствіе любви маперинской выражается въ удивительныхъ явленіяхъ!

Послѣ многихъ спараній, бѣдная мать, наконецъ, успѣла привести въ чувство умирающую дочь свою. Елизавета открыла глаза, но ничего не говорила: замѣрно было, что она не понимала бывшаго предъ нею. Наконецъ она спросила мать самымъ слабымъ голосомъ: „Маминька! это вы?.... Такъ я видѣла сонъ?... Ахъ, какой спрашной сонъ!... Какой-то спарикъ, ужасный спарикъ,

какъ злобный духъ, вдругъ чѣмъ-то самымъ смертоноснымъ поразилъ меня.... Сердце мое, казалось мнѣ, разорвалось на части. . . . Чпо - то такое ужасно тяжелое, какъ цѣлая скала, упала на меня; грудь пакъ спѣснило; я не могла дышатьъ. . . . Такъ это сонъ былъ? . . . Слава Богу! . . . Да, я забыла еще. . . . Эпопъ злобный старикъ говорилъ съ адскою улыбкою, будто бы Владиміръ и брапецъ погибли. . . . [Сии слова бѣдная произнесла шепотомъ] О какъ мучительно было это слушать! . . . Такъ это сонъ былъ? . . . А то я, кажется, умерла бы, непременно умерла бы. . . .“

— Успокойся, успокойся, милая! — говорила Варвара Степановна, заглушая свою смертельную горечь.

„Я спокойна теперь, любезная маминька!... О чемъ же печалишься?.. Они, живы и я видѣла только сонъ... Вѣдь это правда, что я видѣла сонъ?“

— Да, правда.

„Боже мой! — вскричала Елизавета спрашивнымъ голосомъ, опть котораго задрожали все около нея еоспоявше — Боже мой! это онъ! Я видѣла оцять этого адскаго спарика...“

Въ это время машироса провели въ домикъ Неволи.

„Это только показалось тебѣ...“

— Нѣтъ; я помню его ужасный видъ. Вы не видали, а онъ такъ спрашно посмотрѣлъ на меня; такъ зло-

бно прошипѣлъ, какъ змѣй: они погибли, погибли навсегда! . . .

„Ради Бога, успокойся: это только мечта разспроеннаго воображенія!“

—Такъ они не умирали? . . О, какъ пріятно это думать! . . Повторице мнѣ эти сладкія слова: они живы; мой братъ, мой милый Владиміръ еще живы! . . : Чпо же не говорите вы? . . Повторице мнѣ эти слова! Я прошу, умоляю васъ! . . . Вы рыдаете? . . . Спало бытъ это не сонъ, чпо я видѣла! . . . Точно это не сонъ! Теперь я вспомнила. . . Я была съ Ольгою. . . Гдѣ она? . . . Мы шли; вдругъ увидѣли спарика пощаго, окровавленнаго. . . Мы къ нему. . . Кпошы? Откуда? . . . И онъ сказалъ. . . О! это былъ не

сонъ! Нѣтъ, не сонъ! . . . Но гдѣ же Ольга? Опъ чего она не придетъ увѣрить меня. . . . Ахъ, увѣрьте, увѣрьте меня, что это былъ сонъ! . . . Какъ опять давить меня эта ужасная скала! Сбросьте ее съ меня; сбросьте, хопя на минушу, сбросьте. . . О жестокіе! для чего вы не хопите исполнить, моей мольбы? О если бы здѣсь былъ мой Владиміръ, мой братъ! . . Но вопъ они! . . Идите скорѣе, спасите, освободите меня! . . Великій Боже! что я вижу? . . Они чудно измѣняются; тѣла ихъ спановяпся воздушными, свѣшлыми, какъ сіяніе солнца. . . . Они опдѣляются опъ земли! . . И какъ быспро несущя по воздушному проспранспву! . . Куда, куда улешаете вы, мои милые, мои драгоценные? . . Они маняпъ меня къ себѣ! . . Дайте мнѣ

сбросишь эту скалу! Еще, еще одно мгновение подождите! . . . Слава, Создателью, я свободна! . . я лечу къ вамъ!

Съ сими словами прекрасная душа Елизаветы дѣйствительно улетѣла изъ дольняго міра; надъ оставшимся прахомъ спояли въ опчаяніи бѣдные ея родители и горько, горько плакали. Изобразишь въ наспоющей мѣрѣ ихъ скорбь и спраданіе не лъзя: подобное мученіе можетъ бытъ только понятнo для сердца родительскаго, но неизобразимо. Близкое къ опчаянію, къ ропоту, оно естъ истинное испытаніе сердца, опъ котораго опнимается внезапно самое драгоцѣнное, самое кровное, дабы опгучишь его опъ земли, и успремишь къ Небу.

Въ слезахъ и гореспи зарыли бѣдныя спарики свое послѣднее сокровище въ землю, на Западной сторонѣ Баранова камня. Соспоянiе самой природы соопвѣщсшововало расположенiю ихъ душъ: льпо уже пролетѣло, и холодный въперъ уныло напѣвалъ какъ бы погребальную пѣснь. Разспроеннымъ, разогорченнымъ спрадальцамъ казалось, что они слышали въ высотѣ воздушной прощальныя споны дѣшей, оплелпающихъ опъ земли.

Неволя и жена его также учащпововали въ печальномъ обрядѣ погребенiя, и когда возврапились всѣ домой, то Судьба сказалъ со вздохомъ: „Вошь, друзья мои, что сдѣлала наша ссора! Теперь мы получили обрапно всѣ почеспи, всѣ имѣнiя, и между шѣмъ были

ли когда нибудь шакъ несчастливы, какъ шеперь? *Все суета суетъ на землѣ, кромѣ любви и міра!*

Ольга не въ силахъ была участвовашь въ погребеніи; но попомъ почти все время проводила на могилѣ своей единственной подруги. Веселость ея исчезла; поспоянная печаль сдѣлалась ея спихією. Андрей и Елизавета звали ея въ другой, лучшій міръ, гдѣ обитала ша радость, копорую сердце ея шщепно искало на землѣ. Напрасно старались родители упѣшашь ея, ласкашь будущимъ счастьемъ, изображашь леспную перепективу богатой жизни: душа Ольги была занята однимъ предметомъ — поперею незабвенныхъ; желала одного счастья—скорѣйшаго соединенія съ ними. Могила

Елизаветы была единственны́мъ мѣ-
стомъ, куда она ходила изъ своей хи-
жины. Большую часть времени про-
водила она въ глубочайшей думѣ,
сидя при подошвѣ деревяннаго кресла,
поспавленнаго надъ могилою ея подруги.
Ни состояніе здоровья, ни время года,
ни увѣщанія родныхъ, ничто не могло
опвратить ея отъ сего мѣста: памъ
панспвенно бесѣдовало сердце съ не-
земными друзьями, прилешавшими на
его призывъ.

Спустя двадцать лѣтъ путешес-
твенники видѣли два кресла около
Баранова камня, уже склонившіеся къ
землѣ и полусогнившіе. Домики были
сломаны, кѣмъ неизвѣстно. Ничто не
напоминало, что тутъ жили нѣкогда
души свѣпмыя, билась сердца чувспви-

пельныя; чпо и шупть лились мысли,
горѣли чувспвованія, блиспала ра-
доспть, и пягопѣла печаль. Но чпо
же? Не шакова ли испорія и цѣлаго
міра?

К о н е ц ъ .

ПОГРѢШНОСТИ.

<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
1 — 6	Вспанѣте . . . Спанѣте
2 — 14	шѣмнѣюшѣ . . . шемнѣюшѣ
10 — 2	лежала лежали
35 — 4	гнѣшомѣ гнешомѣ
38 — 8	опвсюда опвсюду
43 — 8	оледѣнели оледенѣли
64 — 3	Вѣсна Весна
— 5	приблизилась приблизилась
88 — 6	блавѣсть благовѣсть
113 — 2	вскричавшимѣ вскричавшаго
121 — 11	Небо; небо
136 — 7	цѣль цѣпь
161 — 9	состоявше споявше

M

IVAN KALASHNIKOV

Izganiki.

